

INSPIRIA

КЭЙГО
ХИГАСИНО

УБИЙСТВО В ГОРОДЕ БЕЗ ИМЕНИ

ОТСУТСТВИЕ СЛЕДОВ — ЭТО САМЫЙ ОТЧЕТЛИВЫЙ СЛЕД

推理

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Япония

Кэйго Хигасино

Убийство в городе без имени

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

Хигасино К.

Убийство в городе без имени / К. Хигасино — «Эксмо»,
2020 — (Ток. Национальный бестселлер. Япония)

ISBN 978-5-04-187271-7

Кэйго Хигасино — самый продаваемый в Японии автор детективов. На родине его называют «машиной по производству бестселлеров». Он лауреат двух самых престижных остросюжетных наград страны — премии Эдогавы Рампо и «Японской детективной литературы», — а также премии Наоки (японского аналога Букера), Премии хонкаку и многих других. По произведениям Хигасино снято более 50 фильмов и сериалов. Отсутствие следов — это самый отчетливый след. Школьный учитель Эйити Камио обнаружен убитым на заднем дворе собственного дома под завалом из картонных коробок. Он одет в выходной костюм, но на нем нет обуви. В доме все вверх дном, но ничего не пропало. И вот что особенно загадочно... Причина смерти — пережатие сосудов на шее; его задушили, но никаких следов ни пальцев, ни веревки, ни чего-либо подобного просто нет. Полиция в тупике. Но не младший брат покойного — иллюзионист-менталист Такэси. Пользуясь своими редчайшими способностями, он начинает собственное расследование. Для Такэси игра с действительностью — неотъемлемая часть его повседневной жизни. Он умеет читать людей по малейшим проявлениям эмоций. Он способен вовлечь человека в хитрый сценарий против его воли так, чтобы тот ничего не заметил. В интересах дела он может даже слегка подправить реальность... РОМАН ПЕРЕВЕДЕН С ЯПОНСКОГО «Все-таки существуют по-настоящему запутанные детективы-головоломки. Просто их пишут по-японски. Пишет Кэйго Хигасино, чьи элегантные расследования — шедевры классической дедукции». — New York Times Book Review «Тех, кто регулярно пишет о детективной литературе, часто спрашивают: каким будет следующий ведущий остросюжетный тренд? Если бы все творения японских писателей криминального жанра были столь совершенны, как романы Хигасино, ответ оказался бы очевидным: японские детективы». — Independent «Агата Кристи была бы крайне впечатлена». — Financial Times

УДК 821.521-312.4

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-187271-7

© Хигасино К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
1	9
2	16
3	20
4	27
5	32
6	40
7	44
8	49
9	53
10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кэйго Хигасино

Убийство в городе без имени

Keigo Higashino

THE BLACK SHOWMAN AND MURDER

IN A NAMELESS TOWN

BLACK SHOWMAN TO NAMONAKI

MACHI NO SATSUN

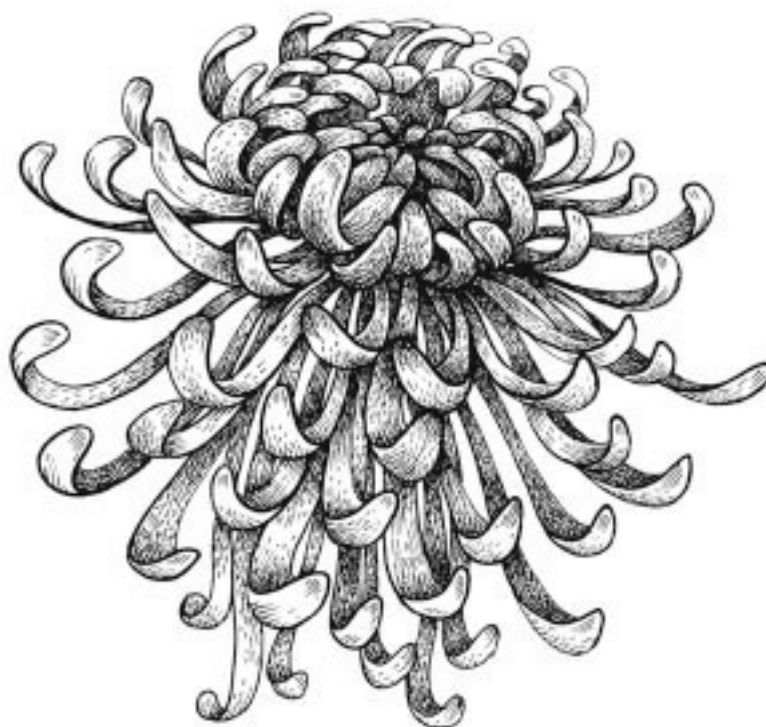
Copyright © 2020 by Keigo Higashino.

Russian translation rights arranged with KOBUNSHA CO., LTD. through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo

© Кривцов А. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

Под звуки сякухати¹ луч прожектора упал на темную сцену. Освещенная им фигура мужчины вызвала удивленные восклицания в зрительном зале.

В Японии, пожалуй, зрители реагировали бы иначе. Но происходило все это не в Японии, а в Америке, в Лас-Вегасе.

Мужчины был одет во все белое, бока охватывал красный пояс. Собранные на затылке длинные волосы доставали до середины спины.

Он быстро отвел руку в сторону, и его запястье на мгновение исчезло из виду, уйдя из луча света. Когда мужчина вернул руку обратно, зрители затаили дыхание при виде того, что он в ней держал.

Это был клинок, японская катана не меньше метра длиной. Мужчина сделал мечом несколько взмахов в обе стороны, и остро заточенное лезвие угрожающе блеснуло. Меч замер, направленный острым концом вниз. В это мгновение свет залил всю сцену. Одновременно просветлели и лица зрителей, особенно мужчин. На сцене стояли три светловолосые женщины. Они были в роскошных платьях с глубоким декольте.

Теперь мужчина резко повернул меч острием вверх. Тут же из-за кулис появились трое в черном.

Даже иностранцы по такому облачению могут легко догадаться: это ниндзя. Головы и лица скрыты масками. Под мышкой – свернутые соломенные коврики мусиро. А вот это название вряд ли слышал кто-то из публики.

Подойдя к блондинкам, ниндзя быстро развернули мусиро и стали оборачивать ими женщин. Те испуганно сопротивлялись. Но ниндзя силой завернули их в циновки; при этом мужчина в белом прохаживался вокруг, не расставаясь с катаной. Звучание сякухати стало более резким.

Наконец хрупкие фигурки женщин окончательно скрылись в циновках. Но все-таки они продолжали извиваться. Ниндзя связали их веревками поверх циновок. Женщины перестали двигаться – теперь на сцене стояли три соломенных столба.

Мужчина в белом остановился, высоко поднял зажатый в правой руке меч, пристально посмотрел на него и перевел взгляд на стоявший рядом соломенный столб. Затем медленно подошел, обхватил рукоять меча обеими руками и принял стойку с замахом из верхнего положения. Сделал вдох и с силой рубанул мечом сверху вниз. Разваленный наискось соломенный столб упал с глухим звуком.

Публика не издала ни звука. Не слышно стало и сякухати.

Мужчина приблизился ко второму столбу и на этот раз мгновенно ударил мечом. И этот столб был идеально разрублен и тяжело рухнул на пол. Даже не взглянув на него, мужчина метнулся к третьему столбу и в полной тишине нанес горизонтальный удар. В зале раздались слившиеся вместе звуки рассекаемого мечом воздуха и разрушаемой циновки. Отрубленная верхняя часть соломенного столба наклонилась и рухнула. Нижняя осталась стоять.

Мужчина в белом, взглянув в зал, вышел на середину сцены и повернулся спиной к зрителям. Затем трое ниндзя выстроились на сцене лицом к нему. Мужчина высоко поднял меч и под пристальными взглядами публики произвел резкий взмах. Маски упали с лиц ниндзя.

В зале раздались вопли. Из-под упавших масок появились лица тех самых женщин. Вопли перешли в крики восторга. Они нарастали, сотрясая весь театр. Когда ниндзя, распустив пышные светлые волосы, с широкими улыбками вышли на авансцену, зрители начали вскакивать с мест, аплодировали, кричали, свистели и, кажется, даже топали.

¹ Сякухати – японская бамбуковая флейта.

Мужчина в белом неторопливо повернулся к публике. Еще шире развернув руки, он с неотразимой улыбкой склонил голову.

1

Увидев изображение на экране, Маё сразу смутилась. На фотографии были она и ее одноклассница из старшей школы. Они снялись перед супермаркетом рядом со школой.

– Эту фотографию... давай не будем, – проговорила Маё.

– Почему же? – удивленно спросил сидевший рядом Кэнта Накадзё. – Мне кажется, хорошая фотография.

– Я тогда была толстая. И ноги все на виду... Ужас!

Обе школьницы на снимке были в совсем уж коротеньких юбочках.

– Совсем не толстая. Юбка, правда, коротковата...

– Пояс юбки подворачивали два-три раза, и она становилась короче. А в школе, чтобы не нарваться на замечания преподавателя, отворачивали обратно. А вы так не делали?

Собеседница, к которой обратилась Маё, сидела за столом напротив нее. Сейчас она надела маску, но лицо ее было знакомо по предыдущим встречам. На вид лет тридцати, она, пожалуй, была сверстницей Маё. Одета эта женщина была в форменное платье гостиницы.

– Да, мы тоже часто так подворачивали. – Глаза женщины улыбнулись. – Забавно вспомнить...

– Точно. А в ваше время так не делали, Кэнта?

Кэнта был на семь лет старше, ему исполнилось тридцать семь.

– Не очень помню. Я ведь в мужской школе учился.

– Хочешь сказать, что по дороге на учебу не видел девочек из других школ?

Кэнта усмехнулся:

– Видел, конечно, но особенно не разглядывал. А эту фотографию стоило бы оставить. Хороший снимок.

– Я тоже так думаю, – сказала служащая гостиницы.

– Правда? Ладно, оставим, наверное.

– А какую подпись сделаем?

– Подпись? – Маё на мгновение задумалась. – «В старшей школе длина юбки – это смысл жизни!»

– Ха-ха-ха! – сидевший рядом с ней Кэнта хлопнул в ладоши. – Гениально!

– Замечательно! – Служащая гостиницы, прищурившись, застучала по клавиатуре.

Маё и Кэнта сидели в салоне для новобрачных одной из токийских гостиниц. До их свадьбы оставалось всего два месяца. Сейчас они обсуждали, какие слайды показать на вечеринке. Каждый принес свои снимки, и теперь вместе выбирали подходящие. В наше время несложно самим подготовить какое-нибудь слайд-шоу, но им хотелось сделать это качественно. Как бы во время торжества не случилось накладок, когда что-то зависнет или пропадет звук... Поэтому решили поручить это дело профессионалам. Свадебный прием планировали устроить на открытом воздухе. Начаться он должен был после захода солнца, и не стоило опасаться, что изображение на экране будет плохо видно, но некоторые детали, вроде качества изображения или баланса цветов, новичкам трудно учесть.

Маё с партнерами продолжали выбирать фотографии, когда из открывшейся в глубине салона двери появилась пара. Маё мельком взглянула на женщину и примолкла. Живот женщины заметно округлился, хотя она и пыталась это скрыть.

Пара, провожаемая служащей гостиницы, вышла из салона. От нее исходило ощущение счастья.

– Что-то случилось? – спросил Кэнта.

– Да... эта женщина. Мне показалось, что живот у нее большой.

– А, правда? Нет, я не посмотрел.

Маё повернулась к служащей гостиницы:

– Сейчас много таких?

Служащая слегка кивнула:

– Да, несколько пар в год бывает.

– Теперь, наверное, меньше стесняются связей до брака...

– Не знаю. Думаю, нет. Людей это все-таки как-то беспокоит. Часто просят подобрать им такой покрой подвенечного платья, чтобы было не слишком заметно.

– Да, конечно.

– Почему это тебя заботит? – Кэнта подозрительно сдвинул брови.

– Подумала, что здесь нет ничего плохого. – Маё посмотрела в лицо жениха. – Раз уж так получилось... И не придется беспокоиться, будут ли дети в браке. Не согласен?

Кэнта неуверенно наклонил голову:

– Я как-то об этом не задумывался.

– Ну...

– Не все ли равно? Если не получится завести детей. Раз так, ну и пусть, можно радоваться семейной жизни только вдвоем. Разве нет? – Кэнта повернулся к служащей, прося ее поддержки.

– Пожалуй. Бывают разные супружеские пары, с разными жизненными ценностями, – ответила она мягко.

– Может, и так... Извини, сказала не к месту. Продолжим. – Маё уселась поудобнее, выпрямив спину.

Наконец с подбором фотографий было покончено. Выходя из салона, Кэнта спросил:

– Что это было?

– Ты о чем?

– О добрых детях.

– Да ничего особенного. Просто подумала об этом...

– Последнее время ты часто заговариваешь о детях. То говоришь, что сразу хочешь завести ребенка, то – что хотела бы иметь нескольких детей...

– Я так делаю?

– Да. Ты, может быть, и сама не замечаешь.

– А что странного в таких разговорах? Скоро свадьба, и поговорить об этом в ее канун вполне нормально, нет?

– Может быть, и так. Но мне кажется, ты на этом заикливаешься.

Маё остановилась и повернулась к Кэнте.

– А на этом плохо заикливаться? Разве не нормально думать о той жизни, когда появятся дети? Я, например, работаю, и безответственно не думать как раз об этом.

Кэнта нахмурился и положил ладони Маё на плечи.

– Я это понимаю. Не тупи.

– Но ведь ты говоришь странные вещи...

В этот момент из сумочки Маё послышался сигнал доставки сообщения.

– Извини. – Она вытащила смартфон.

Это было сообщение от подруги детства из ее родного городка. Маё догадалась, о чем оно. Уже по теме сообщения было ясно, что предположила она правильно.

Вздохнув, Маё покачала головой:

– Как же поступить...

– Что там?

– Приглашение на встречу выпускников. Средней школы. В следующее воскресенье. И, похоже, я одна не ответила, смогу ли приехать.

– Что-то ты не очень обрадовалась... Не хочется встречаться со старыми друзьями?

– Да не то чтобы не хотелось, но ведь устану... К тому же наверняка туда и отца пригласили.

– И что? Позвать учителя на встречу выпускников – обычное дело, – ответил Кэнта.

– Я уже рассказывала, кажется. Хочется стереть все воспоминания о средней школе.

– Да, ты говорила, что старалась там не выделяться. Но ведь это давнишняя история.

– Какая разница! Как-то ездила на встречу выпускников старшей школы, и как только увидела их лица, вернулась в то давнее время. И отношения между людьми, и разговоры все те же. Одноклассники средней школы в маленьком городке все друг о друге знают, и тем более получится так, как я говорю. Наверняка снова начнут болтать – шпионка Камио-сэнсэя...

– Тебе так говорили? – Кэнта недоверчиво пожал плечами.

– Не в лицо, но сплетни распускали. Говорили, что если при мне сделать что-то плохое, то я настучу Камио-сэнсэю, и что со мной надо держаться осторожно. Относились как к шпионке.

– Ужас! Но, наверное, были и хорошие подруги?

– Да, несколько человек. Одна из них и прислала это сообщение. Но сейчас-то отношения почти не поддерживаем...

– Но если ты не поедешь, отец, наверное, расстроится.

– Отцу все равно, что со мной. Правда, несколько раз в год встречаемся. С другой стороны, если я не поеду, отца замучают расспросами... Ладно, подумаю еще немного.

– погоди, встреча у вас на следующей неделе, и может так случиться, что тебе при всем желании не удастся поехать.

Маё и сама хорошо понимала, что хотел сказать Кэнта.

– «Корона»?

Он кивнул:

– Губернатор заявил, что есть признаки распространения инфекции. Поэтому, мол, в ближайшее время будут приняты некоторые меры.

– Стей ин Токио. То есть некоторое время из Токио нельзя будет выезжать.

– Вполне возможно. Во всяком случае, шанс есть.

Они имели в виду эпидемию COVID-19, вызванную новым коронавирусом, обнаруженным в 2019 году. Как и во многих странах, здесь, в Японии, невозможно было предположить, когда она закончится.

Была подтверждена эффективность нескольких лекарств, количество заразившихся удалось сократить, и сейчас эпидемия не так уж сильно влияла на повседневную жизнь. Но заразившиеся еще оставались, и иногда их число вдруг резко возрастало. Ладно бы пути распространения заболевания удалось точно выяснить, но неизвестность заставляла быть настороже. Продолжались вспышки инфекции, и поэтому разрабатывались разнообразные меры. Их принимали на различных уровнях – от базовых рекомендаций «избегать закрытых помещений, массовых скоплений людей, воздерживаться от выхода на улицу без особой потребности или срочности» до требований закрытия школ или прекращения работы в отдельных отраслях; степень ограничений была самая разная.

Если б, например, вышло распоряжение «избегать выезда из Токио в другие районы страны», ему нельзя было бы не подчиниться без чрезвычайных причин. Это не принуждение, но несоблюдение требований вызвало бы гнев окружающих. В случае проступка устанавливали имя виновного, и тот подвергался массовой травле в Сети.

– Может, и хорошо, если так случится, – сказала Маё со вздохом. – Если запретят уезжать из Токио, то и сомневаться не будет нужды. И никто не станет думать, почему я пропустила встречу.

– Скорее, если в Токио случится новая вспышка, твои земляки скажут, что не следует в такое время возвращаться на родину, – усмехнулся Кэнта.

В последнее время, бывая вдвоем, они часто не надевали маски, особенно на улице. Конечно, в сумочке у Маё маска лежала.

– Да, вот такие дела...

Прежде чем спрятать смартфон, Маё взглянула, который час. Увидев, что уже перевалило за четыре, она с испугом показала Кэнте экран.

– Видишь, сколько уже!

– Опаздываем, давай скорее!

Они быстрым шагом направились к лифту. Собирались после гостиницы сходить в кино. Кинотеатры уже работают в обычном режиме. Это раньше приходилось сидеть через кресло друг от друга, а теперь можно рядом.

* * *

Дом, в котором снимала квартиру Маё, был в минуте ходьбы от станции метро «Морисита». За эту однушку с комнатой около 12 метров, кухней, ванной и туалетом она платила 100 тысяч иен в месяц. Хотелось бы иметь что-то попросторнее, и эта мечта, похоже, могла осуществиться посредством брака.

Когда, вернувшись в эту комнату, Маё села на кровать, часы у изголовья показывали 10:40 вечера. После кино они с Кэнттой перекусили в одном из ресторанчиков района Нихонбаси и попрощались. По субботам они часто вместе проводили время у кого-нибудь из них дома, но, к сожалению, сегодня было воскресенье.

Маё работала в компании по торговле недвижимостью в районе Итигая, в отделе по ремонту квартир. Когда-то она увлекалась оформлением интерьеров и поступила в университет на отделение дизайна, но потом возник интерес к перестройке квартир целиком, и Маё решила стать архитектором.

Когда она поступила в компанию, Кэнта Накадзё уже там работал. Он отвечал за частные дома, и сначала у них не было точек соприкосновения. Но два с половиной года назад их отделы переехали на один этаж, поэтому они часто виделись. И года полтора как начали встречаться. Кэнта, проявив инициативу, пригласил ее пообедать, что не стало неожиданностью. Они часто обменивались двумя-тремя фразами, и постепенно он почувствовал к ней симпатию. Для Маё Кэнта тоже был небезразличен, что он не мог не заметить.

Через полгода Кэнта сделал предложение. Как раз утихла суматоха с коронавирусом, и Маё ждала этого, так что не слишком удивилась. Но восприняла предложение с облегчением. Она считала, что в 30 лет не стоит тратить время на отношения только ради развлечения.

Конечно, она согласилась. Кэнта хоть и предполагал, что отказа не будет, но тоже почувствовал, что с его плеч словно упал груз.

Она рассказала об этом своему отцу Эйити по телефону. Не стала говорить, что собирается замуж, просто хочет его кое с кем познакомить. Однако тот, похоже, понял.

– Поздравляю, очень хорошо. Ты, наверное, занята, я сам к тебе приеду.

В его тоне Маё послышалось одиночество. С тех пор как мать умерла от инсульта шесть лет назад, Эйити жил один.

Вскоре после этого она познакомил Кэнта с Эйити в японском ресторане на Гиндзе. Было ясно, что Кэнта нервничает, да и улыбка Эйити была какой-то натянутой. Однако Маё перестала беспокоиться – у них, похоже, сложилось неплохое впечатление друг о друге. Позже отец сказал ей: «Когда он говорил о работе, у него было хорошее выражение лица; можешь выходить за него замуж». На вопрос, что он имеет в виду, Эйити ответил: «Занимаясь ремонтом дома, нужно представлять, что за семья в нем живет, как сделать ее жизнь комфортной. Кэнта, кажется, видит в этом большой смысл. А раз он способен заботиться о чужой семье, то не будет пренебрегать и своей».

Маё подумала, что такой ход мыслей очень в духе ее отца. Учитель японского языка, Эйити был склонен оценивать человеческие качества собеседника по тому, как тот говорит и какие темы выбирает.

Маё вдруг задумалась над теми словами отца. До свадьбы оставалось всего два месяца, а в душе ее было больше волнения, чем надежды. Она сама не понимала, можно ли отмахнуться от этого как от обычной предсвадебной грусти.

Потянувшись за смартфоном, Маё проверила несколько пришедших сообщений, и в это время раздался телефонный звонок. Высветилось имя Момоко Хомма.

Включив линию, она сказала:

– Добрый вечер, давно не слышала.

– Не так уж и давно. Почему не отвечаешь на почту? – спросила Момоко не изменившимся со школы пронзительным голосом.

– Прости, закрутилась немного.

Опять про встречу выпускников... Именно Момоко рассылала приглашения.

– В чем дело? На работе завал?

– Да, и это тоже.

– Тоже – значит, есть и другие причины? А может, тебе неловко участвовать вместе с Камио-сэнсэем в качестве его дочки? Ведь не в этом дело?

– Неловко, говоришь? Просто не хочу причинять всем беспокойство.

– Никто и не беспокоится, – тут же отрезала Момоко. – Уже двадцать лет прошло. Как можно об этом говорить? Приезжай, мне без тебя будет скучно. Да и в городке нашем так хорошо!

– Момоко, а ты что, вернулась в родительский дом? Ну и как ощущения?

На самом деле об этом было написано в том сообщении. Вообще-то, она живет в Йокогаме, но мужа перевели на работу в Кансай, и она уже с месяц как перебралась с двухлетним сыном временно пожить у родителей. А квартиру в Йокогаме сдала знакомым.

– Это очень удобно. Малыша можно доверить родителям, есть время побыть самой по себе... Если приедешь, можем пообщаться в любое время.

– Отличная новость.

– Вот я и говорю! Поэтому давай приезжай. Как будто ради встречи выпускников.

– Подожди, у меня же работа, дай еще подумать... Через пару дней отвечу.

– Ладно.

– Кстати, а встречу выпускников-то проводить можно? Опять шумиха вокруг «короны» начинается...

Момоко понизила голос.

– Мы об этом подумали. Сняли ресторан с большим опен-спейсом. В случае чего можно будет его использовать; расставим стулья подальше друг от друга, и нет проблем.

– Умно!

Из-за постоянных проблем с коронавирусом все научились неплохо с ними справляться.

– Но в моем случае может не получиться выехать из Токио.

– Призыв «воздерживайтесь от поездок за пределы своей префектуры», ты об этом?

– Да. Не хочется, чтобы меня забросали камнями из-за поездки домой в неудачное время.

Момоко хмыкнула:

– А как насчет того, чтобы приехать, пока губернаторы не наговорили ерунды? Вот Сугисита так и сделал, а он ведь элита.

– Сугисита теперь элита?

– Да, Кайто Сугисита. Еще на той неделе приехал с женой и малышом. Сказал, что решил побыстрее сбежать из Токио, раз ситуация с «коронай» непонятная, да и встреча выпускни-

ков намечается... Его компания широко применяет удаленную работу, и президенту не обязательно быть в Токио. Все так же чувствует себя элитой. Как раньше.

– Судя по твоему тону, ты не раз с ним встречалась?

– Только раз. Обсуждали подготовку к встрече выпускников. Хотя его никто не приглашал. Наверное, хотел похвастаться.

Маё подумала, что если этот рассказ – правда, то, значит, все по-прежнему. У ее одноклассника Кайто Сугиситы всегда был такой имидж – отличная успеваемость, прекрасный спортсмен, к тому же богатые родители, все вещи только дорогих брендов. После окончания средней школы он поступил в частную старшую школу при одном из токийских университетов. А несколько лет назад донесся слух, что он организовал IT-компанию и добился успеха.

– И потом, еще один... Приехал герой нашего городка.

Услышав эти слова, Маё наклонила голову, не отрывая смартфон от уха.

– Герой? Ты о ком?

– Не догадалась? Автор «Лабиринта виртуального мозга», Кугимия.

– Вот как! – воскликнула Маё удивленно.

– Надо помнить не только одноклассников, но и прославившихся выпускников нашей школы.

– Я помню, но он слишком знаменитый, поэтому не пришло в голову.

– Понимаю. Со мной то же самое. Но раз он сам будет на встрече выпускников, здесь все возбудились.

– Ну если Кугимия приедет, тогда понятно.

– Чистое золото! В школе все его задирали – «комик», «долговязый»... Да, еще забыла сказать важное. На встрече выпускников решили помянуть Цукуми.

– Цукуми... вот как? – Сердце у нее немного защемило, но она постаралась не показать это интонацией.

– Поэтому всех, у кого есть какие-то вещи, связанные с Цукуми, просят привезти их с собой. Ты же с ним тесно общалась; может быть, у тебя что-нибудь найдется? Фотографии или что еще?

– Ну, я так сразу не вспомню...

– Тогда поищи, ладно?

– Ладно, но не слишком рассчитывайте.

– Не говори так, найди что-нибудь. У нас мало материала, не знаем, что делать.

– Хорошо, поищу.

– Прошу тебя. Жду звонка.

– Лады, позвоню.

– Прости, что так поздно побеспокоила.

– Да ладно, все в порядке.

После разговора Маё поняла, что ее душу беспокоят самые разные воспоминания. Она давно не говорила с Момоко, да и в разговоре прозвучало несколько милых имен.

Цукуми...

Для ученика средней школы он был крепко сложен, решителен, но в нем оставалась какая-то детскость, он еще не совсем повзрослел. Вспоминая выражение его лица, она почувствовала сладкую ностальгию и старые обиды.

«Ну и что из того, что ты дочка Камио-сэнсэя? Ты – это ты. Нечего обращать внимание на болтовню каких-то типов. Глупо!»

Ее подбодрили эти убедительные слова. Тем более что говорил он это, лежа в постели. Цукуми сильно похудел, был бледен, но взгляд живо сверкавших глаз оставался таким же, как до болезни.

Прошло 16 лет, как он ушел.

Маё подумала, что если б он был жив и приехал на встречу выпускников, то она с радостью согласилась бы участвовать.

Приняв душ и наложив ночной крем для кожи, Маё нырнула в постель. Взглянув на смартфон, прежде чем погасить свет, она обнаружила «спокойной ночи» от Кэнты. Ответила «спокойной ночи» и дотянулась до выключателя.

2

Нагнувшись, он двумя руками потянул вверх металлические жалюзи. Металл был холоден на ощупь, и таким же холодным воздухом потянуло с улицы в открывшуюся щель. Вполне естественно для начала марта.

Кохэй Харагути уперся ногами и рывком поднял жалюзи. Они с громким стуком бодро шли вверх, но в одном месте посередине всегда зацеплялись и застревали – видимо, погнулась центральная стойка. Да и неудивительно после тридцати с лишним лет службы. Понемногу, постукивая снизу, удалось их поднять. Когда-то он подумывал заменить их на электрические, но уже давно отказался от этой мысли.

Жалюзи состояли из трех секций. Он пока поднял среднюю, и, выйдя наружу, огляделся по сторонам.

По узкой улице в отдалении друг от друга проехали три машины. Через некоторое время появился небольшой грузовичок. Транспорта было явно меньше, чем на прошлой неделе.

И на тротуаре прохожих почти не было. Только где-то в отдалении шли несколько детей – видимо, в школу. В прошлом году в это время школы были закрыты по всей Японии. Интересно, в этом году перенесут весенние каникулы на пораньше? Он вспомнил жалобы своего приятеля, у которого были дети, что политики совсем не понимают, как живет семьям, где отец и мать работают.

Харагути взглянул на свои часы. Уже девятый час. На торговой улице в нескольких минутах ходьбы от станции никакого оживления. А ведь сегодня понедельник... Наверное, так будет еще некоторое время.

Сбоку послышался шум. Он увидел, что стеклянная дверь соседней мастерской керамических изделий открылась и оттуда показался ее владелец. В руке он держал пакет с мусором.

– Доброе утро, – приветствовал его Харагути.

– А, Кохэй! Привет! – Владелец кивнул коротко стриженной головой. Будучи лет на десять постарше, он уже помогал в мастерской, когда Харагути еще ходил в начальную школу.

– Как идут дела? Есть заявки на мастер-классы по керамике? – спросил Харагути.

Владелец мастерской покачал головой с кислым выражением.

– С чего бы это они были? Даже вчера и позавчера, за воскресенье и субботу, всего три группы. На этой неделе, думаю, будет еще хуже.

– Вот как? В Токио, говорят, уже складывается целый кластер, а у нас в префектуре интереса пока нет...

Владелец мастерской сжал губы.

– Плохо, плохо. Через некоторое время, может, и здесь проснется интерес. Мы по сравнению с Токио несколько отстаем. И раньше так было. Ведь, как известно, сейчас стараются воздерживаться от поездок и развлечений. Начинается жизнь в собственном гнездышке... Тут уж люди не заглядываются на какую-то там керамику.

– Тогда и мне придется несладко.

– С тобой все будет в порядке. Если человек сидит дома, то он из-за этого не отказывается от выпивки, так что заказов от частных покупателей должно быть больше.

– Это не совсем так. Чтобы выпивать дома, покупают ящиками дешевый алкоголь через интернет, а мой главный товар – местные бренды, их покупают владельцы тутошных закусовых и ресторанов.

– Да, таким заведениям снова придется туго... Да и гостиницам тоже. Вчера слышал, что в «Марумия» уже начали приходить отказы от брони.

– Ну вот, видите!

– Не знаю, сколько продлится на этот раз, но пару недель еще так-сяк, а вот месяц, наверное, не продержаться. Веселого мало.

С этими словами владелец мастерской подхватил пакет с мусором и зашагал, повернувшись к Харагути спиной.

Тот вздохнул.

«Марумия» была самой большой гостиницей в округе. По количеству отказов от броней в этой гостинице можно было прикинуть, как упадет объем продаж. Не только в ней самой – во всем районе.

Харагути направился к парковке по соседству. Там стоял старый грузовик. Висевшая рядом с грузовиком табличка «Магазин Харагути» заметно выцвела, но сейчас было не до того, чтобы ее подновить.

Подогнав грузовик к магазину, он начал грузить ящики с напитками для доставки. Предстояло заехать в гостиницы и в закусочные с ресторанчиками. Обычно набиралось точек десять, но сегодня было всего три. К тому же заказы были небольшие, и кузов остался почти пустым.

Занявшись доставкой, Харагути испытал еще один удар. Во всех заведениях его предупредили, что с завтрашнего дня заказов не будет.

«Что поделаешь. Не приходится рассчитывать, что появятся посетители. Когда остались одни местные жители, заказывать сакэ – только забивать кладовку лишним товаром, – проговорил извиняющимся тоном пожилой хозяин ресторанчика. – Честно говоря, не знаю, сколько мы еще протянем. В этом году, наверное, конец. И мои все говорят, что придется закрыть лавочку».

Харагути оставалось только молча кивать. Он давно уже не слышал разговоров о хорошей конъюнктуре.

Зимой 2020 года все изменилось. Не только в этом районе. Стала другой Япония, да и весь мир. Так повлияла «корона».

В центральных районах разорилось немало ресторанов. Знаменитые заведения с давней историей, шикарные ночные клубы, проработавшие на Гиндзе десятки лет, закрывались друг за другом. Да и в отдаленных районах страны, где зараза не особенно распространилась, происходило то же самое. Особенно сильный удар получили места, где туризм служил важной статьей дохода.

Собственного населения в городке было немного. Большую часть дохода владельцам ресторанов давали приезжие из других префектур. Поэтому, когда коронавирус прервал поездки между префектурами, во всех заведениях резко упала выручка. И эта ситуация не очень изменилась после отмены чрезвычайного положения, объявленного правительством.

Появилось много лекарств от вызванного новым вирусом воспаления легких, разработали эффективные вакцины. Но в народе господствовало мнение, что быстрое оживление уже не вернется. По крайней мере, по ощущениям Харагути, так думали в этом городке.

На короткое время, бывало, возобновлялась привычная жизнь. Так, в прошлом месяце появились какие-то туристы. Случалось, что в конце недели все номера в гостиницах были заняты. Харагути каждый день объезжал рестораны, пополняя их запасы спиртного. В заведениях царило воодушевление, а лица их хозяев, сотрудников и, главное, посетителей светились радостью.

Но люди понимали и то, что такие дни долго не продлятся. Они уже привыкли приспосабливаться к переменам. Например, как только губернатор Токио заявил: «Обнаружены признаки распространения инфекции в столичном округе», на следующий же день по городку стали ездить машины городской администрации с громкоговорителями, из которых раздавались просьбы «воздерживаться от поездок в столичный округ без острой необходимости».

Люди сразу поняли, что все пошло поновой. Дело не столько в сокращении поездок горожан в столицу – главное, приезжих оттуда тоже становится меньше. Естественно, выручка заведений падает. Сколько уже раз это повторялось за несколько последних месяцев!

Неделю назад из Токио снова пришло такое уведомление: «Есть признаки распространения инфекции». Если провести аналогию с прогнозом погоды, то вероятность у него была примерно такой же, как во фразе «возможны осадки». Но все сразу поняли, что опасность может быть моментально поднята до наивысшего уровня.

Многие учившиеся в Токио студенты вернулись домой еще до начала весенних каникул. Опасались, что, оставаясь в Токио, они вообще не смогут приехать на родину.

И не только студенты. Были и работавшие в столице, которые возвратились со своими семьями. За этот год получила большое распространение удаленная работа. Было вполне естественным считать, что, раз можно не ходить в офис, лучше побыть в своем городке, где и опасность заразиться меньше, и ограничения не такие строгие.

Окончив доставку напитков, Харагути, прежде чем вернуться в магазин, поехал на своем грузовичке в жилой район. Чуть в стороне от главной дороги были только узкие улочки.

Остановившись на красный свет, он заметил брошенную на краю дороги вывеску. На ней была картинка и надпись «Дом Л.В.М. Открытие в мае 2021 года!», рядом с которой зияла огромная дыра. Харагути представил, как кто-то зашвырнул ее сюда пинком. Когда есть большие надежды, то и разочарование им под стать.

Он остановил грузовик у одного из домов. Этот дом был ему хорошо знаком. Харагути часто бывал там в детстве и не придавал ему никакого значения – но, увидев его снова, почувствовал, сколько прошло лет.

Прежде чем выйти из грузовика, он достал смартфон и, найдя в списке адресов фамилию Камио, позвонил. Были слышны звонки вызова, но никто не отвечал.

Харагути сбросил вызов и покачал головой. Засовывая смартфон в карман, открыл дверцу и вышел из машины.

На воротах была табличка «Камио». Он нажал на кнопку домофона, расположенного под ней. Но ответа не было. Харагути нажал еще раз. Результат тот же.

«Странно, – подумал он, – уже ушел куда-то?»

Неуверенно открыл калитку и вошел на участок. Подойдя ко входу, потянул дверь, уверенный, что она заперта.

И тут...

Дверь легко распахнулась. Замок не был заперт. Не похоже, чтобы хозяин ушел.

– Здравствуйте! – громко крикнул Харагути – Камио-сэнсэй, вы дома?

Убедившись, что ответа по-прежнему нет, Харагути не знал, что делать. «Случилось что-нибудь? Может, упал и лежит где-то», – думал торговец, не решаясь войти. Он знал, что закрытая дверь прямо перед ним вела в большую комнату.

«А, точно, – вспомнил Харагути, – за домом есть дворик».

Он вышел из прихожей и двинулся по проходу вдоль стены дома. Тут вспомнил, как когда-то в этом дворике делали барбекю. Тогда собрались несколько одноклассников, живших по соседству. Прошло больше пяти лет, как они окончили среднюю школу. Харагути принес с собой сакэ из своего магазина, и все стали собирать деньги, чтобы заплатить за него. Он пытался отказаться, но Камио сказал: «Бери, бери. Ты торгуешь сакэ, и как ни близки наши отношения, делать свою работу бесплатно не годится».

Услышав эти слова, он подумал, что, наверное, так и есть, и взял деньги. Эйити Камио даже много лет после окончания школы оставался для Харагути учителем, указывавшим путь в жизни.

Пройдя по проходу, он оказался во дворике. Все было как раньше – в углу росла небольшая хурма, рядом стояли горшки с растениями.

Но определенно было и что-то странное. Соседний дом был отгорожен забором, а перед ним лежала куча раздавленных картонных коробок. Похоже было, что под ними что-то спрятали. Вряд ли это мог сделать серьезный и пунктуальный учитель Эйити Камио.

Харагути осторожно приблизился. В нем боролись два желания – убраться отсюда, пока ничего не видел, и посмотреть, что там спрятано. Последнего требовало любопытство.

Он прикоснулся к лежавшей на самом верху коробке. А потянув за нее, вызвал обвал – коробки заскользили в стороны, обнаружив то, что таилось под ними...

3

Миновал полдень понедельника.

Смартфон зазвонил в тот самый момент, когда Маё выходила из офиса, чтобы заглянуть в шоурум кухонной мебели. На экране высветился совершенно незнакомый номер. Правда, код был ей знаком. Код ее родного городка.

Поднеся трубку к уху, она услышала мужской голос:

– Госпожа Маё Камио?

– Да.

Звонивший представился. Это был сотрудник отделения полиции из ее города.

– Господин Эйити Камио – ваш отец?

– Да, но... С отцом что-то...

– Очень не хотелось бы это говорить, но сегодня утром его обнаружили дома лежащим на полу. Факт смерти уже установлен.

В голове образовалась пустота, Маё перестала слышать голос говорящего.

* * *

Час езды от Токио на синкансэн², затем пересадка на экспресс частной железной дороги, еще почти час тряски – и, наконец, прибытие на ближайшую к родному дому станцию. Выйдя из здания вокзала, она оглядела привокзальную площадь. Стоянка слишком просторная, много места для ожидания автобусов и такси – ведь одним из основных промыслов городка является туризм. Вдоль площади выстроились рестораны и сувенирные магазины. Однако с одного взгляда было понятно, что говорить о каком-то оживлении здесь не приходится.

Для туристического района достопримечательностей здесь было не так уж много. Безусловным местом притяжения служил старинный храм, давший название городку, а так это было непритязательное местечко с горячими источниками. Тем не менее скоро, когда зацветут слива и сакура, все может оживиться с приездом туристов – главным образом пожилых. Но как сложится в этом году? Местные жители наверняка беспокоятся по этому поводу.

Как и другие туристические места в Японии, да и во всем мире, в прошлом году городок пережил полный упадок. Из-за нового коронавируса с весны и до раннего лета туристический бизнес абсолютно бездействовал. Начиная с осени туристы вроде бы стали понемногу приезжать, но их количество не достигало и трети того, что видели здесь в годы расцвета.

На стоянке такси была одна машина; внутри дремал седой водитель. Маё постучала в окно, и водитель с безразличным выражением открыл заднюю дверь.

– Извините, откройте багажник, пожалуйста.

Она приехала с большим чемоданом. Не зная, когда получится вернуться в Токио, взяла с собой разных вещей, какие пришли в голову.

Сев на заднее сиденье, Маё назвала адрес. Водитель, похоже, не ожидал услышать «отделение полиции». Немного проехав, он спросил, не в силах скрыть любопытство:

– Вы откуда?

– Из Токио, – ответила она намеренно беспечным голосом.

– А, домой вернулись...

– Да, верно.

– Понятно. Похоже, «корона» снова распространяется...

² Синкансэн – высокоскоростной поезд.

Водитель, похоже, удовлетворился этим, но все равно ему было любопытно, зачем эта женщина едет в полицию. «Неприятно, если начнет расспрашивать», – подумала Маё, но больше вопросов он не задавал.

Она достала из сумки планшет и открыла файл. На первой строке стояли сегодняшняя дата и время, когда позвонили из полиции.

После сообщения об обнаружении трупа Эйити у нее от смтения спутались мысли, но осознание необходимости узнать, что же произошло, наконец вернуло ей способность думать. Торопливо достав из сумки блокнот и ручку, Маё записала слова полицейского. Из-за нервного потрясения она не совсем понимала смысл того, что ей говорят, не раз переспрашивала, но полицейский все терпеливо объяснил.

Текст в файле представлял собой отредактированную копию записей в блокноте. В поезде, попробовав перечитать, что она там записала, Маё поняла, что через некоторое время сама не сможет расшифровать эти каракули, и решила перепечатать их на планшете.

В файле было по пунктам записано следующее:

- Место: дом Эйити Камио
- Кто сообщил: человек, пришедший навестить Камио
- Установление факта смерти: 10 часов 25 минут утра
- Личность покойного: Эйити Камио
- Время наступления смерти: не установлено
- Причина смерти: не установлена (но ситуация чрезвычайная)
- Родственники: обнаружена запись для быстрого набора в стационарном телефоне

То есть дело обстояло так. Сегодня утром мужчина, зашедший навестить Эйити, обнаружил труп и сообщил об этом в полицию. Прибывшие полицейские осмотрели труп, но время и причину смерти установить не смогли. Однако по внешнему виду и положению трупа было ясно, что случилось нечто скверное, поэтому назначили расследование. Поскольку погибший жил один, решили сообщить его родственникам. В доме был стационарный телефон, в котором оказался записан номер Маё.

* * *

Нежданный гость, видимо, был учеником Эйити; поскольку тот уже не преподавал, точнее будет сказать, бывшим учеником. Его имени она не знала, или не расслышала, когда говорила с полицейским, но его несложно выяснить в отделении полиции.

«Может быть, кто-то из моих одноклассников?» – подумала Маё. Школьники обожали Эйити, но не настолько, чтобы ученики и бывшие выпускники часто навещали его дома. Ей пришло в голову, что кто-то мог зайти по поводу подготовки ко встрече выпускников, назначенной на воскресенье.

Убрав планшет в сумку, она посмотрела в окно, за которым уже начинало темнеть. Вокруг виднелись невысокие горки; вдоль узкой дороги, не имевшей даже разделительной полосы, выстроились частные дома. Попадалось много парковок – жить в этом городке, не имея машины, было невозможно. Очень часто семья имела несколько автомобилей.

Хорошо знакомые места... Но ей казалось, что она приехала в другую страну. Может быть, потому, что, оказавшись дома, Маё не почувствовала особой теплоты из-за чрезвычайной ситуации, в которой это произошло. Она и представить не могла, что ее возвращение на родину будет вот таким.

Полицейский сказал по телефону, что личность погибшего они определили, но просят ее по возможности приехать для опознания, и Маё ответила, что сейчас же выезжает. Однако все-

таки нужно было еще подготовиться к путешествию, объяснить ситуацию на работе, поэтому она оговорила, что, может быть, получится только к вечеру.

Маё тут же вернулась в офис и рассказала все начальнику. С его лица тут же исчезла всегдашняя ничего не значащая улыбка, оно стало серьезным.

Маё пораньше ушла с работы, взяв отпуск пока что до пятницы; но, конечно, могло случиться и так, что придется задержаться. Она связывалась с клиентами и сотрудниками других подразделений, чтобы отложить намеченные встречи, а когда это оказывалось невозможным, искала себе замену. Всю работу, которую можно делать дистанционно, не приходя в офис, она взяла с собой. В чемодан запихала ноутбук и рабочие материалы.

Кэнте, которого тогда не было в офисе, она сообщила обо всем по телефону перед посадкой в синкансэн. Он онемел, услышав, что ее отец умер, а может быть, и убит.

– Подробностей я не знаю. Еду в полицию, выясню у них. Как успокоюсь, снова позвоню.

– Понятно, – сдавленным голосом проговорил жених. – Если я могу чем-то помочь, скажи мне. Понадобится – тоже возьму отпуск.

– Спасибо. Если что-то будет надо, посоветуюсь с тобой. – И Маё дала отбой.

Вспоминая разговор с Кэнтон, она думала, когда ей может понадобится его поддержка. Они пока не женаты. А если закрутится дело с убийством, вообще будет не до свадьбы...

Внутренне Маё собиралась с духом, спокойно подумать о сложившемся положении не было никакой возможности. Но сейчас, когда она смотрела на родные пейзажи, ее постепенно наполняло сознание, что произошло нечто ужасное.

* * *

Перекрестков было немного, и ждать на светофорах не приходилось.

Таща за собой чемодан, Маё пошла к главному входу. Отделение полиции располагалось в старом трехэтажном здании и выглядело не особенно сурово. Если б не ряд полицейских машин на излишне просторной стоянке, его можно было бы принять за клуб или что-то в этом роде. Она сообразила, что впервые оказалась здесь.

У входа стоял молодой полицейский в форме; Маё назвала ему цель своего прихода. Она думала, что тот не сразу поймет, о чем речь, но полицейский кивнул.

– Ждем вас. Сюда, пожалуйста.

К удивлению, он даже проводил ее. В токийской полиции такого не было бы. Что скажешь, провинция...

Молодой полицейский направился к стойке дежурного, о чем-то переговорил с ним и вернулся к Маё.

– Прошу подождать здесь. За вами скоро придут.

– Хорошо.

Она сидела на потертом маленьком диване в комнате ожидания, когда к ней крупными шагами подошел мужчина средних лет. Он был невысок, крепкого сложения и держался с достоинством.

– Итак, господин Эйити Камио приходится вам...

Маё встала:

– Я его дочь.

Мужчина несколько раз вздохнул, как бы настраивая голос, и опустил подбородок.

– Приношу вам свои соболезнования. От всего сердца сочувствую.

– А... отец здесь?

– Пойдемте, я провожу. Пожалуйста, сюда.

Мужчина пошел вперед, и Маё последовала за ним.

Он представился на ходу. Начальник уголовного отдела Какитани. По телефону ей звонил кто-то другой.

Морг находился в подвальном помещении. Посередине неприязнительного помещения, похожего на склад, стояла койка, на которой лежало тело Эйити. Его лицо было закрыто белой тканью, рядом лежали круглые зеленые очки – его неперменный атрибут в годы учительства.

– Простите... С лицом отца что-то случилось?

Маё подумала, что если даже там жестокая рана, придется стерпеть и поднять ткань.

– С лицом? Нет, ничего такого. Это я закрыл его тканью, без особой причины. Просто подумал, что так будет лучше. Очки лежали на земле.

– Вот как...

Маё медленно подошла и опасливо подняла ткань.

Как и сказал Какитани, на скрывавшемся под тканью лице не было ничего необычного. При взгляде на старика, словно закрывшего во сне глаза, ей на мгновение показалось, что это не Эйити, а другой человек. «Разве у него было такое лицо?» – подумала она и тут же сообразила, что на нем просто нет никакого выражения. У Эйити всегда была богатая мимика. А лицо лежавшего перед ней человека было как безразличная маска, не отражавшая никаких чувств.

– Что скажете? – спросил из-за ее спины Какитани.

– Это отец. Ошибки быть не может, – ответила Маё, ощутив при этом жар, разлившийся в груди.

В мгновение, когда она произнесла эти слова, ее охватило чувство утраты близкого человека. Чувствуя, как краснеет ее лицо, женщина залилась слезами. Попыталась достать из сумки платок, но не успела, и слезы закапали на пол.

Маё коснулась щеки Эйити. Та была холодной и твердой, отчего чувство отчаяния лишь усилилось.

Опустив веки, она попыталась вспомнить, когда видела отца в последний раз. О чем они говорили? Но сколько Маё ни напрягала память, вспоминались только совсем давние дела.

Несколько раз глубоко вздохнув, она наконец достала платок из сумки, вытерла глаза и, повернувшись к Какитани, спросила то, что ей больше всего хотелось знать:

– Что произошло с отцом?

– Объясню. И я тоже хочу кое-что спросить. Можно занять немного вашего времени?

– Пожалуйста. Для этого я и приехала.

– Тогда пойдем в другое место, – Какитани открыл дверь.

Они пришли в маленькую комнату для совещаний. Начальник отдела вышел, попросив немного подождать. Через несколько минут дверь открылась, и вошел Какитани с другими мужчинами. Среди них был полицейский в форме – видимо, высокого ранга. Лица мужчин были серьезны.

У сидевшего напротив нее Какитани в руках была стопка документов формата А4.

– Итак, я расскажу подробнее, как было дело. Но перед этим расскажите о действиях с позавчерашнего утра и до утра сегодня.

– О чем вы? – Маё смутилась, не понимая смысла вопроса. – О чьих действиях? Моих?

– Да.

– А для чего вы это спрашиваете?

– Извините, – сказал Какитани, положив руки на стол и наклонив голову. – Я все объясню потом. Мы полагаем, что ситуация чрезвычайная. Видимо, придется проводить крупное расследование. Нам надо проверить, имеют ли отношение к этому инциденту все, кто так или иначе связан с делом. Исключений нет. Понимаем, что вы еще не совсем оправились после потери отца, но вынуждены задать вам неприятные вопросы. Поймите это, пожалуйста.

Маё оглядела остальных присутствовавших. Все молча уставились в пол.

«Ну и история, – подумала она. – Вон они все в каком напряжении!» Вслух же произнесла:

– Понятно... Позавчера я весь день была дома, занималась уборкой и стиркой. Вчера с утра вместе с женихом ходили по разным местам, готовясь к свадьбе. Если хотите проверить, могу дать телефоны мест, где мы побывали. Посмотрели кино, потом зашли поесть. Жениха зовут Кэнта Накадзё. Вечером в половине одиннадцатого вернулась домой, а сегодня утром, как обычно, поехала на работу. Это всё.

– Спасибо большое. Вы потом дадите координаты мест, которые упомянули?

– Хорошо.

– Позавчера вы были дома одна?

– Одна.

– И совсем никуда не выходили? Например, поесть?

– Из квартиры не выходила. Но вечером была доставка еды из соседнего ресторана.

– Как называется ресторан и во сколько это было?

– «Нанфутэй», ресторан европейской кухни. Кажется, было часов семь.

– Вы часто там заказываете?

– Раньше часто ходила туда поесть. Но после «короны» многие соседние рестораны стали работать только на доставку, так что иногда заказываю.

– Да, понятно... Можно еще раз название ресторана?

– «Нанфутэй», – повторила Маё и объяснила, какими иероглифами оно пишется.

– Так. – Какитани перевел взгляд на документы. – Расскажу о случившемся. Вы – ученица господина Эйити Камио. Вам известен человек по имени Харагути?

Маё пришлось немного подумать. Действительно, был такой Харагути, сын владельца винного магазина... Вспомнилась неясная фигура из средней школы.

– У меня был одноклассник Харагути. То ли Косукэ, то ли Кохэй... Да, был человек с такой фамилией.

– Кохэй. Именно этот господин Харагути приходил к господину Эйити Камио. По его словам, у него было дело, связанное с предстоящей встречей выпускников, поэтому он звонил ему вчера днем и вечером. Не дозвонившись, звонил сегодня утром – то же самое; поэтому, забеспокоившись, сегодня заехал. Позвонил в домофон, но ответа не было. Подумав, что хозяин вышел, он на всякий случай проверил входную дверь, та оказалась незаперта. Он окликнул хозяина, но ответа не последовало. Не решившись войти без приглашения, Харагути прошел на задний двор. В углу он увидел кучу картонных коробок, под которой что-то было. Попробовав подвинуть их, он был поражен. Под коробками был спрятан человек. А точнее, труп. Харагути было некогда удостовериться, что это Эйити Камио, и он сразу же сообщил в полицию. Что было потом, вы, думаю, знаете, но расскажу вкратце. Полицейские приехали сразу и по показаниям господина Харагути, а также по найденным на трупе автомобильным правам установили личность Эйити Камио. С целью обнаружения адреса родственников они осмотрели дом и нашли ваше имя и номер в стационарном телефоне, а господин Харагути показал, что вы – его дочь... – Какитани поднял голову от бумаг. – В этой части у вас есть вопросы?

– Отца... – Голос Маё дрогнул. Она откашлялась и заговорила снова: – Значит, отца убили?

Какитани взглянул на начальника и снова повернулся к ней.

– Мы считаем, что это очень вероятно.

– А как... он был убит? Когда я сейчас его увидела, это было трудно понять.

– Об этом... – произнес Какитани и, снова взглянув на начальника, покачал головой, – пока ничего нельзя сказать. Мы проведем вскрытие, до этого гадать не будем.

– То есть его не пырнули ножом?

– Извините, я не могу ответить.

– Или ударили чем-то?

Какитани молчал. Нельзя было понять, что это – отрицание или нежелание говорить.

– А преступник? Вы меня только что спрашивали об алиби. Это значит, что его еще не поймали?

– Да, – ответил Какитани, – расследование только началось.

– Какие-нибудь зацепки? Подозреваемые?

Какитани начал было говорить, но в этот момент сбоку раздался голос: «Девушка...» Мужчина в форме, выглядевший здесь самым главным, смотрел на Маё.

– Доверьте такие вещи нам. Мы обязательно арестуем преступника.

– Ну хоть немного...

Маё хотела попросить объяснить ей хоть что-нибудь, но сдержалась. Наверное, полицейские считали, что рассказ родственникам о подробностях дела не поможет ускорить расследование, и это было справедливо.

– Можно я задам вопрос? – спросил в свою очередь Какитани.

– Пожалуйста, – ответила Маё.

– Вопрос простой: нет ли у вас каких-нибудь предположений? Ваш отец ни с кем не враждовал, не был замешан в какой-то истории?

– Ни о чем подобном не слышала, – сразу же отвергла это предположение Маё.

– Прошу вас немного подумать.

Маё медленно покачала головой:

– Пока я ехала сюда, всю дорогу думала. Я и представить не могла, что отца могут убить; думала, может быть, кто-то ненавидел его из зависти или обиды, размышляла так и эдак... Но так ничего и не придумала. Это может быть только беспричинное, случайное убийство.

Сдерживая эмоции, она замолчала и посмотрела в лицо Какитани. Полицейский слегка кивнул.

– Хорошо вас понимаю. Тогда изменю вопрос. Дома у господина Камио – то есть у вас дома – были какие-нибудь очень дорогие или редкие вещи? Так сказать, нечто, что могли бы украсть?

Маё широко раскрыла глаза:

– Вы хотите сказать, что это могло быть ограбление?

– Такую возможность мы тоже не исключаем... Так как же?

Похоже, были признаки, что в дом кто-то проник. Какитани сказал, что, осматривая дом, он нашел в телефоне адрес Маё. Если б дом был заперт, злоумышленник, наверное, не стал бы входить без разрешения. От мысли, что кто-то устроил в доме разгром, женщина еще больше помрачнела.

– У меня нет никаких догадок. По крайней мере, ничего такого я в доме не видела.

– Ясно... Но я могу попросить вас проверить, не пропало ли что-нибудь?

– Я не против. Прямо сейчас?

– Уже поздно; как насчет завтрашнего утра?

– Хорошо. Мне приехать прямо туда?

– Нет, мы за вами заедем. Вы уже решили, где будете ночевать?

– Да, в гостинице «Марумия».

Днем Маё попросили по телефону пока не прикасаться ни к чему в доме, так что она сразу же забронировала номер. Так или иначе, сделать это в туристическом районе было нетрудно.

– «Марумия», понятно... – Какитани сделал пометку в блокноте и поднял голову. – Кстати, вы не знаете, какие планы были у господина Камио на конец прошлой недели? Не слышали, может, он собирался куда-то пойти или с кем-нибудь встретиться?

– Нет, не слышала. Мы не особенно перезванивались.

– Ладно... – Какитани опять бросил взгляд на начальника. Как будто в этом вопросе заключался какой-то глубокий смысл.

Под конец он расспросил, когда Маё последний раз встречалась с отцом и о чем они тогда говорили. Та отвечала, что она думала об этом в морге, но не может вспомнить точно; наверное, это было, когда она последний раз приезжала из Токио. И о чем разговаривали, тоже не помнит.

После этого пришлось соблюсти некоторые формальности. Они касались согласия на проверку мобильного телефона Камио, на изъятие удостоверения личности и документа о регистрации места жительства. Маё покорило, что полицейские будут копаться в частной жизни отца, но в итоге она сказала себе, что это нужно для следствия.

Убирая смартфон во внутренний карман после звонка в диспетчерскую такси, Какитани с извиняющимся видом склонил голову.

– Вы, наверное, устали? Извините, окружили вас целой толпой... Убийства случаются не так часто, поэтому начальство в напряжении.

Видимо, тот важный человек был начальником отделения.

– Да нет, – коротко ответила Маё.

– Догадываюсь, вы сейчас думаете, как все это ужасно, как жестоко... Это невыразимая трагедия – бессмысленное убийство такого известного человека. Я тоже всем сердцем ненавижу этого преступника.

Маё взглянула в лицо Какитани.

– Вы хорошо знали отца?

– Конечно. Я тоже здесь родился. Камио-сэнсэй преподавал нам японский в средней школе.

– Ах вот как...

– Я обязательно поймаю преступника, обещаю вам.

– Спасибо большое. – Она хоть немного почувствовала чью-то поддержку.

Наконец приехало такси. Отъезжая от здания полиции, Маё наконец вспомнила, какими словами они обменялись с Эйити в последний раз. Тогда она рассказала ему по телефону о программе свадебного торжества. Прежде чем повесить трубку, отец произнес: «Ну вот, ты стала невестой. И обязательно будешь счастлива!»

4

Раздался звонок будильника, и Маё открыла глаза. Протянув руку, достала смартфон, лежавший рядом с подушкой, и отключила сигнал. Было семь утра. Через щель в занавесках ярко светило солнце.

Наконец-то настало утро.

Ночью Маё несколько раз просыпалась. За окном было совершенно темно; она снова пыталась заснуть, но это ей никак не удавалось. Сейчас ее сознание было ясным, но вставать не хотелось, и она продолжала лежать, свернувшись под одеялом.

Но вот, собравшись с духом, сбросила одеяло и села. Она давно не ночевала на татами и, может быть, поэтому спала чутко. Перед глазами стояло лицо Эйити, лицо ее отца, которое она увидела в морге.

Одновременно одна за другой в памяти всплывали сцены из прошлой счастливой семейной жизни, когда отец был жив, и в эти мгновения ее с новой силой охватывала грусть. Маё винила себя за былую беспечную уверенность в том, что отец всегда будет здоров.

После туалета она умылась. Недосып вызвал тяжесть в голове. Синяков под глазами не было, но отражавшемся в зеркале лицу явно не хватало свежести. Маё похлопала себя по щекам, пытаясь вернуть бодрость коже и духу.

Завтрак входил в стоимость номера. Есть совсем не хотелось, но она все-таки решила сходить в ресторан. Сегодня предстоял долгий день. Если не перекусить, сил не хватит.

Когда Маё протянула руку к смартфону, пришло сообщение. От Кэнты.

«Привет! Поспала хоть немного? Может быть, мне стоит к тебе приехать?»

Вечером Маё позвонила Кэнте и рассказала о разговоре в полиции. Узнав, что произошло убийство, тот был поражен. Его, конечно, беспокоило, что же делать со свадьбой, но он ничего об этом не сказал. Наверное, посчитал, что для этого сейчас не время.

Слегка подумав, Маё послала ответ: «Не скажу, что спала как убитая, но всё в порядке. Собираюсь поехать в родной дом. Не волнуйся, я сама вполне справлюсь». Ей, конечно, хотелось, чтобы он был рядом, но в то же время вызывать к себе жалость она считала неправильным. У Кэнты есть дела, которыми он должен заниматься. Они еще не супружеская пара.

В ресторане не оказалось никого, кроме нее. Маё не припоминала, чтобы со вчерашнего вечера видела в гостинице хоть одного человека. Конечно, сегодня рабочий день, но и без влияния «короны» наверняка не обошлось.

Женщина средних лет в фартуке приветливо пожелала ей доброго утра. Вчера, регистрируясь по приезду, Маё узнала, что эта женщина – хозяйка гостиницы.

Сесть можно было где угодно, и она устроилась за четырехместным столиком у окна.

Хозяйка принесла завтрак. Он был в традиционном японском стиле, с жареной рыбой в качестве главного блюда. При виде приправы с тертым дайконом стал просыпаться аппетит. Поблагодарив хозяйку словами и жестом сложенных рук, Маё взяла палочки.

После глотка ароматного супа мисо каждая клеточка ее тела проснулась. Жареная рыба тоже была отличной, и ей подумалось, какое было бы счастье, если б это была обычная поездка.

Когда Маё уже съела половину завтрака, в поле ее зрения попал плакат на стене. На нем был изображен молодой человек с открытым лицом, взбирающийся на отвесную скалу. Маё был хорошо известен этот персонаж – герой популярной манги. Плакат гласил: «Решение построить «Дом Л.В.М.» принято! Открытие в мае будущего года». Значит, такие планы действительно существовали... Кажется, об этом писали в сетевых новостях.

Рассеянно размышляя об этом, она услышала откуда-то сбоку:

– Вы сюда по работе? – Это подошла хозяйка, чтобы долить ей зеленого чая.

– Да, что-то в этом роде, – произнесла Маё. Если хозяйка услышит, что здесь ее родной дом, начнутся разные расспросы...

– Как это непросто, в такое-то время... – Понятно, женщина имела в виду время распространения коронавируса. Она указала на плакат: – Знаете, что это?

– Знаю. Это ведь «Лабиринт виртуального мозга»?

В обиходе его называли «Л.В.М.». Нынешняя молодежь склонна сокращать названия, если те кажутся слишком длинными.

– Этот плакат стоило бы уже снять. Проект закрыли. Но что-то в нем есть, – сказала хозяйка.

– Обещают, что открытие состоится в мае будущего года.

На лице хозяйки появилась слабая улыбка.

– Этот плакат я повесила в прошлом году, в начале января, так что речь идет о мае этого года. Тогда и в страшном сне нельзя было представить, что наделает коронавирус.

– Тут планировали воспроизвести призрачный лабиринт, так?

– Вот именно, – согласилась хозяйка. – Дело в том, что создатель этой манги – уроженец здешних мест.

– Ах вот в чем дело!

Конечно, Маё знала об этом, но сделала вид, будто никогда не слыхала.

– Эти места послужили прообразом города, где жил главный герой манги. Поэтому появилась идея воссоздать дом главного героя во всех подробностях. На плакате ведь прямо написано – «Дом лабиринта виртуального мозга».

– Это дом, где лежит Адзума Рэймондзи, верно? – Маё назвала имя главного героя.

– Да-да. – Хозяйка довольно прищурилась. – А вам тоже нравится «Лабиринт»?

– Раньше когда-то читала.

Услышав ответ Маё, хозяйка, казалось, несколько удивилась.

– Вы читали эту мангу? Для женщины довольно необычно...

– Да, но отрывками.

– Вот как... Когда это была только манга, я даже не знала о нем. Но потом сын с друзьями увлеклись сделанным по нему аниме, и я расспросила их, в чем дело. Оказалось, что оно страшно интересное, и к тому же действие происходит в нашем городке. Вот и я стала смотреть его время от времени. Бывает очень приятно, когда там иногда появляются знакомые места. Хотя на самом деле городских сцен в каждой серии не так много.

– Ведь основное действие происходит в лабиринте, верно?

– Да уж... Удивительно, как можно такое придумать. Интересно, что творилось в голове автора? – Хозяйка, вздохнув, снова посмотрела на плакат. – Если б не шумиха с «коронай», сейчас проект был бы в самом расцвете.

– А когда его закрыли?

– Официальное решение было принято примерно в июле прошлого года. Но задолго до этого уже ходили слухи о его закрытии. Никто не знал, как пойдут дела с «коронай» через год, и даже если б все более-менее утихло, невозможно было предположить, сколько сюда приедет туристов. К тому же если б здесь и вправду собралось много фанатов манги, то начали бы говорить об опасности распространения инфекции. Куда ни кинь, всюду клин.

В словах хозяйки не было ничего неожиданного. Токийскую олимпиаду отложили, Диснейленд закрыли... На этом фоне открытие центра, посвященного какой-то манге, выглядело нереальной мечтой.

– Так много людей этого ждали... очень жалко, – сказала Маё. Это были не просто вежливые слова, она и правда так думала.

Хозяйка кивнула и нахмурилась:

– Ладно бы просто жалко... Многие потеряли на этом большие деньги.

– Каким образом?

– Тут такое дело... С самого начала проектом занималась не какая-то пришедшая фирма, его планировалось реализовать на средства жителей. Горожане прилично в него вложились. Некоторые продали для этого земельные участки, полученные по наследству. Строительство завершено на семьдесят процентов, и затраченные деньги уже не вернуть.

– Как же так...

Маё ничего не слышала о таких событиях на своей родной земле. Эйити должен был об этом знать, но, видимо, считал, что нет смысла рассказывать все это работающей в Токио дочери.

Посмотрев на стенные часы, хозяйка вдруг взмахнула руками:

– Простите, пристала к вам с пустым разговором...

– Ничего.

– Пожалуйста, завтракайте. Скажите, если еще чаю...

И она отошла в сторону.

Маё снова взглянула на плакат и заметила на нем слова: «Автор – Кацуки Кугимия». В уголке ее памяти нарисовался шуплый низенький паренек, вечно глядящий себе под ноги. Они учились вместе с восьмого класса. Кто бы мог подумать, что этот неприметный мальчик создаст произведение, вызвавшее настоящий бум по всей Японии...

Она вспомнила. Умерший от болезни Наоя Цукуми и Кацуки Кугимия дружили и всегда были вместе. До своей болезни Цукуми был лидером, поэтому про Кугимию шутили, что он – его вассал.

По словам Момоко, на предстоящей встрече выпускников собирались почтить память Цукуми. Видно, поэтому и собрался приехать обычно занятой Кугимия...

Покончив с завтраком, Маё принялась за косметику в своем номере, когда на ее смартфон пришло сообщение. Оно было от Какитани. Тот спрашивал, не будет ли она против, если он заедет через час. Маё ответила, что это подходит.

Потом с гостиничного телефона она позвонила администратору и попросила продлить аренду номера. Было ясно, что сегодня вернуться в Токио не выйдет.

Когда она завершила приготовления, снова позвонил Какитани. Он ждал перед гостиницей.

Маё сразу же вышла. У припаркованного на улице седана стояли две фигуры: Какитани и какой-то молодой мужчина. Оба были в костюмах. Ожидая увидеть патрульную машину, Маё немного удивилась, но потом подумала, что так они привлекают меньше внимания.

Она села на заднее сиденье рядом с Какитани. Молодой человек, видимо, был водителем.

– Успокоились немного? – спросил Какитани, когда машина тронулась.

– Да, более-менее.

– Понимаю, что для вас в этом мало приятного, но, чтобы быстрее поймать преступника, очень просим помочь следствию.

– Я понимаю – и очень на вас рассчитываю.

– Спасибо. Тогда начнем. Не вспомнилось ли вам что-нибудь, связанное с инцидентом? Даже какая-нибудь мелочь?

– Я вчера снова думала об этом.

– И ничего?

– Простите.

– Вам не за что извиняться. Такие случаи бывают часто.

Кивнув, Маё задумалась над словами Какитани. Какие случаи? Когда убивают безо всякой причины? Или когда причина убийства существует, но родственники о ней не догадываются?

Маё показалось, что Какитани имел в виду второе. Наверняка он думает, что живущая в Токио дочь может не все знать о своем отце, оставшемся в провинции.

К сожалению, Маё не могла это отрицать. Уехав в столицу поступать в университет, она устроилась на работу и зажила токийской жизнью. Приезжала домой разве что пару раз в год, и то обычно одним днем. Она даже не могла толком ответить, чем в последнее время занимался отец. Наверное, так было еще до ее отъезда из дома. Маё не могла припомнить, чтобы она интересовалась делами отца. Да и не пыталась интересоваться. Не то чтобы она не любила отца – и любила, и уважала. Но при этом старалась, чтобы они с ним не вмешивались в дела друг друга.

Предки Камио из поколения в поколение работали здесь учителями. Прадед преподавал обществознание, дед – английский. Эйити, по его словам, не представлял себе другой работы, кроме учительской, и при поступлении в университет сомневался лишь в том, выбрать ли англо-американскую, японскую или китайскую литературу. Он считал, что в любой стране классическая литература представляет собой кладовую человеческой мудрости и может служить путеводителем для воспитателя детских душ. В конце концов он выбрал японскую литературу, и причина этого была проста: ведь и учитель, и ученики – японцы.

Когда Маё достигла сознательного возраста, Эйити уже был известной фигурой в родном городке. Здесь жило немало семей, с которыми Камио общались еще со времен прадеда и деда, но главное, он был известен своей преданностью делу воспитания учеников. Маё часто слышала, что проблемным детям – и именно потому, что у них были проблемы, – он по-родственному помогал советом. Бывало даже, что становился на сторону ученика в конфликте со школой. Еще в младшей школе с Маё обращались как с дочкой Камио-сэнсэя. Тогда она еще не видела в этом ничего плохого – лишь одобрение в адрес Эйити. Вряд ли кому-то может быть неприятно, если хвалят его отца.

Но с переходом в среднюю школу ситуация изменилась. Учеников стало меньше, осталось только два класса. Когда отец вставал у доски, Маё становилось неудобно и она сидела, опустив глаза. Эйити Камио оказался не только добрым и понимающим преподавателем. У него обнаружилась и неизвестная раньше Маё твердость – он жестко реагировал на неуважительное отношение учеников, не спускал незначительных нарушений дисциплины. Что было вполне естественно.

Однажды она увидела одноклассников в игровом центре рядом со школой. Один из них, заметив Маё, стал что-то шептать приятелям. У нее появилось неприятное предчувствие, которое через несколько дней подтвердилось. Этих ребят вызвали в учительскую и сделали им замечание. Сказали, что о них сообщил местный житель. Но одноклассники не поверили. Они заподозрили, что это Маё настучала на них Эйити, и раздули этот слух. С этого дня некоторые одноклассники стали относиться к ней с подозрением.

Конечно, случались не только неприятности. Многие ученики обожали Эйити, а к ней относились так же доброжелательно, как и к другим товарищам. Но сказать, что учеба в средней школе протекала беззаботно, было бы неправдой. Понимая, какое положение занимает отец, Маё старалась не только тщательно соблюдать все школьные правила, но и ни в коем случае не получать замечаний от других учителей. Она должна была показывать успехи в учебе – и молчать, если ей что-то не нравилось. Должна была изображать из себя молчаливую скромную отличницу.

Естественно, ей приходилось держать дистанцию с отцом. И даже дома эта дистанция сохранялась.

Эйити, наверное, понимал это ее отношение к себе. Вернувшись из школы домой, он не становился «дочкиным папой». Он не читал ей нотаций, но относился к дочери-школьнице как ко взрослой.

Такие отношения сохранились и когда Маё перешла в старшую школу. Возможно, Эйити не смог в одночасье превратиться в доброго папочку. А уж Маё в то время тем более стеснялась проявить теплоту.

В таких отношениях с отцом прошли три года учебы в старшей школе. С тех пор и до сегодняшнего дня отец и дочь не стали ближе ни на шаг.

5

Машина приехала в до боли знакомое место. На улице стояло несколько патрульных машин и полицейский фургон, а перед входом в дом Камио дежурили двое полицейских в форме.

При виде родного гнезда Маё, выйдя из машины, глубоко вздохнула. Дом в японском духе, окруженный живой изгородью, когда-то построил дед. Стены и крышу раз в несколько лет подновляли, и поэтому там и сям была заметна смесь японского и европейского стилей. Маё вновь увидела дом после долгого перерыва и, как архитектор, не могла не отметить, что он оставлял несколько странное впечатление.

Дверцы патрульных машин и фургона распахнулись. Из них вышла группа мужчин в костюмах. Почти у всех на лицах были медицинские маски. Это выглядело угрожающе, но за время «короны» к такому вполне привыкли.

Один из мужчин подошел к Маё. На лице без маски – узкие лисьи глаза. Пристально глядя в лицо Маё, он спросил у Какитани:

– Это она?

– Да, это госпожа Маё Камио, – ответил тот и повернулся к ней. – Вот коллеги из префектурального штаба полиции приехали на помощь...

– А, да, конечно. – Она не представляла, как полагается общаться с людьми такого сорта.

– До какого времени вы жили в этом доме? – не приветливо спросил мужчина с узкими глазами, даже не представившись. Маё про себя прозвала его «Дядюшка Лис».

– Уехала примерно двенадцать лет назад.

Можно было добавить «после окончания старшей школы», но она не сделала этого, не видя нужды раскрывать сейчас свой возраст.

– Как часто после этого вы приезжали домой? На Новый год и на О-бон?³

– Примерно так.

Дядюшка Лис откровенно нахмурился:

– Получается, вы немного знаете об этом доме? Например, об имуществе.

Не слишком вежливый вопрос, но она постаралась не показать недовольства.

– Совершенно не знаю. Я и вчера это говорила. – Бросила взгляд на Какитани.

Дядюшка Лис что-то буркнул и почесал пальцем между бровями.

– Все-таки мы попросим вас все осмотреть. Может, что-то заметите... – Он взглянул на руки Маё и махнул подчиненным: – Эй, кто-нибудь, дайте перчатки!

– У меня с собой есть. – Какитани достал из кармана пиджака пару белых перчаток.

Маё надела их на руки – и в этот момент ясно осознала, что сейчас окажется на месте преступления.

– Так, я провожу. – Какитани первым вошел в ворота.

Проводить в дом, где она родилась? Со смятенными чувствами Маё последовала за ним. Следом двинулся Дядюшка Лис.

Какитани распахнул входную дверь и пригласил Маё в дом.

Едва войдя, она почувствовала легкий камфарный запах. Это пахло средство, предохраняющее книги от порчи насекомыми. Обычно такой милый, сегодня этот запах навевал грустные чувства.

Какитани пересек темный коридор и открыл дверь. Комната за ней всегда служила гостиной, но не так давно Камио обустроил там свой кабинет.

³ О-бон – широко отмечаемый по всей Японии летний буддистский праздник.

Окинув комнату взглядом с порога, Маё была ошеломлена. По всему полу беспорядочно разбросаны разнообразные предметы, так что некуда ступить. Книги, бумажные пакеты, очки, часы, канцелярские принадлежности, лекарства, CD, DVD, аудио- и видеокассеты...

– Ужас, – невольно произнесла она.

– Наверное, неуместно спрашивать об этом, – раздался сбоку голос Какитани, – но это ведь не обычная картина? Не могло же быть в этой комнате всегда все разбросано.

– Конечно. Абсолютно не могло! Наоборот, отец был чистюлей, старался все содержать в порядке. Он точно знал, куда что положить, и никогда не бывало, чтобы что-то оставлял неубранным.

– Да, это полностью совпадает с обликом Камио-сэнсэя, сохранившимся у меня в памяти.

Маё вошла, осторожно ища место, куда наступить. Гостиная была площадью метров тридцать пять; стол, диван и книжные шкафы стояли в ней свободно. Необычность комнате придавали книжные полки, висящие на стенах. Дед распорядился смонтировать их, когда дом только-только был готов, и теперь они занимали все пространство до потолка. На верхнем ярусе располагалась в основном англоязычная литература, которую он коллекционировал. Ниже шла книжная коллекция Эйити, в основном японские авторы. В углу помещались папки со школьными бумагами, аккуратно расставленные по годам, – вполне в духе отца.

Начиная с середины и до самого низа полки были снабжены дверцами, многие из которых были распахнуты. Часть этих полок оказались пусты.

Дядюшка Лис, держа руки в карманах, подошел к полкам.

– Разбросанные по полу вещи хранились здесь, так? – Он повернулся к Маё.

– Думаю, да. Я не очень хорошо знаю.

На полках с дверцами Эйити обычно не хранил книг. Там, например, лежали музыкальные и видеозаписи. Помимо литературы, он увлекался музыкой и кино.

– Отсюда ничего не пропало? Особенно что-то дорогое или особо ценное для покойного? – поинтересовался Дядюшка Лис.

По очереди оглядев полки и разбросанные на полу вещи, Маё покачала головой.

– Честно говоря, не знаю. Ведь я не помню, что на какой полке хранилось. Я уже говорила вчера: я никогда не слышала, чтобы у нас дома были какие-то особо дорогие вещи.

– Даже если и так, что-то ценное все равно должно быть. Может быть, живя здесь, вы видели, как ваш отец прячет что-то подобное? В какое-нибудь место, которое он использовал вместо сейфа?

– Вместо сейфа, говорите? Ну, тогда...

Маё подошла к полке. Выдвижной ящик был открыт, лежавшие там предметы разбросаны по полу. Среди них она увидела две сберкнижки.

– Да, точно. Ценные вещи он держал в этом ящике.

Наклонилась поднять сберкнижки, но, услышав окрик Дядюшки Лиса «Не трогать!», отдернула руку.

– Извините, – сказал он ледяным голосом. – Не касайтесь чего бы то ни было на месте преступления. Мы знаем об этих сберкнижках. Других ценных вещей не было? Драгоценных камней, например...

– Драгоценных камней?

– Ваша мать ведь умерла? У нее могли быть украшения, кольца...

– Да, были. Они у меня.

– У вас?

– После ее смерти отец отдал их мне. Ему они были не нужны, а мама сама собиралась мне их отдать. Это очень памятные вещи, но они не так много стоили. По крайней мере, не настолько, чтобы кто-то ради них решился на грабеж.

– Ясно, – согласился Дядюшка Лис, но по лицу его было видно, что он и не ждал ничего другого.

– Если говорить о действительно ценных вещах, – Маё оглядела полки, – то это книги.

– Книги?

– Дед и отец любили литературу и собирали современные и старинные книги. И восточные, и западные. Среди них могли быть и очень ценные.

Дядюшка Лис без особого интереса оглядел полки.

– Однако не заметно, чтобы на полках рылись. Похоже, преступник не интересовался книгами.

– Да, похоже...

Когда Маё отвела взгляд от полок, снаружи послышался окрик: «Вы кто такой? Идет полицейское расследование. Без разрешения не входить!»

– Это кто из нас вошел без разрешения? Вам-то кто позволил? – раздалось в ответ.

Маё от неожиданности затаила дыхание. Этот голос ей был знаком. Не может быть...

Дядюшка Лис, нахмурив брови, выглянул в коридор:

– В чем дело?

– Этот мужчина говорит, что он хозяин дома, – отозвался подчиненный.

– Хозяин?

– Не мешайся! Пропусти, я сказал! Что вы тут все столпились? У вас всех иммунитет против коронавируса, что ли?

Протиснувшись между полицейскими, в дом вошел мужчина. Высокий и худой, с вьющимися волосами до плеч, с неухоженными, как всегда, усами, в военном кителе, накинутом на плечи, он выглядел фигурой из прошлого.

– Вы кто? – спросил Дядюшка Лис.

– Прежде чем спрашивать, полагается самому представиться... да уж ладно. Сколько раз было сказано вашим тупицам: я хозяин этого дома. Если не верите, проверьте в управе или где угодно. – С давних времен он говорил очень быстро, но четко. Маё не знала, было это врожденным качеством или результатом тренировки.

– Ой, – воскликнула она, – так это ведь...

Дядюшка Лис подозрительно посмотрел на Какитани. Тот открыл блокнот.

– Утром я поручил проверить списки зарегистрированных в этом доме, и оказалось, что, кроме убитого, там значится еще одно имя. Вы, наверное, младший брат Эйити Камио, господин Такэси Камио?

Человек в кителе – дядя Маё, Такэси – недовольно скривил рот и повернулся к Какитани.

– Если вы это знали, почему не сказали своим дуракам у входа? Из-за вас пришлось устраивать бессмысленную перебранку.

– Да, но кто же знал, что вы приедете сегодня...

– Я сам волен решать, когда возвратиться домой. А у вас нет никакого права заходить сюда без разрешения. Сейчас же убирайтесь! – Такэси указал на дверь.

Дядюшка Лис, глядя на неожиданного пришельца, левой рукой достал из внутреннего кармана смартфон. Правой рукой быстро набрал номер и приложил гаджет к уху.

– Это я. Надо кое-что проверить. У вас под рукой регистрационная карта дома Камио? Именно. Мне сказали, что кроме погибшего там зарегистрирован еще кто-то, так? Как имя? Как пишется? Хорошо, понял.

Окончив звонок, он вернул смартфон во внутренний карман.

– Похоже, убедились, – сказал Такэси.

– Есть какое-нибудь удостоверение? Права?

– Все еще сомневаетесь?

– На всякий случай.

– Послушайте, – сказала Маё, – здесь нет ошибки, этот человек – мой...

Она хотела продолжить – «дядя», но Такэси сделал жест рукой, как бы сдерживая ее слова. Затем извлек из кармана штанов бумажник и вытащил из него водительское удостоверение.

– Смотрите сколько угодно, – сказал он и протянул права Дядюшке Лису.

В тот самый момент, когда тот протянул руку и взял права, Такэси почти незаметным, молниеносным движением левой руки проник в его внутренний карман и выхватил что-то. Это было черное полицейское удостоверение.

– Эй, ты что творишь? – Дядюшка Лис даже немного выпучил глаза.

– Я показал свое удостоверение, так что если ты не покажешь свое, будет несправедливо... – Такэси раскрыл книжечку полицейского. – А, инспектор Когурэ? Какая жалость, Маё! Вот если б Мегрэ, тогда можно было бы на что-то рассчитывать.

Он показал удостоверение Маё. Там под фотографией Дядюшки Лиса было написано: Дайсукэ Когурэ.

– Дай сюда! – заорал Когурэ.

– Я и так верну. Не лучше ли проверить мою личность?

Посмотрев права, Когурэ с видом смертельно уставшего человека протянул их Такэси. Тот с многозначительной ухмылкой подошел к нему и, сунув полицейское удостоверение в его внутренний карман, забрал свои права.

– Так вот, снова спрашиваю: что вы делаете в чужом доме? – сказал он, засовывая в карман бумажник с правами.

Когурэ хотел что-то сказать, затем обратился к Маё:

– Лучше вы объясните своему дяде.

Успокоив дыхание, Маё сказала Такэси:

– Отец умер.

Выражение лица Такэси не изменилось. Со стороны было не понять, то ли до него не сразу дошло от неожиданности, то ли он просто замер.

– Труп нашли в заднем дворе, и, говорят, очень возможно, что это убийство.

Такэси, с по-прежнему неизменным выражением лица, большими шагами подошел к стеклянной двери в задний сад и пристально посмотрел туда.

– Как его убили? Ножом? – спросил он, не оборачиваясь.

– Извините, но этого я сказать не могу, – ответил Когурэ. – Тайна следствия. Даже человек, нашедший труп, этого не знает, и, если появится кто-то, кому это известно, помимо членов следственной группы, он окажется под серьезным подозрением.

Услышав это, Маё поняла, почему вчера ей ничего не объяснили.

– А одежда? Как брат был одет, когда его обнаружили?

– Это тоже тайна следствия. Скажу честно: скорее всего, я не смогу ответить на ваши вопросы. И вообще, вопросы буду задавать я. Есть куча моментов, которые нам надо выяснить. Например, что вы делали с субботы и до вчерашнего дня?

– Не волнуйтесь, на вопросы я отвечу, погодите немного. Может, вы не заметили, но я переживаю из-за смерти родного брата.

Даже Когурэ не нашел, что ответить на эти слова. Смущенно нахмурившись, он почесал затылок. Какитани тоже почувствовал неловкость.

Через некоторое время Такэси развернулся и возвратился к стоявшим в комнате. Остановившись перед Когурэ, он сказал:

– Ну, спрашивайте. Вы хотели знать, что я делал с субботы и до вчерашнего дня. Так вот, в субботу я с утра был в своем заведении, ни на шаг от него не отходил. На следующий день...

– Стоп! – прервал его Когурэ. – Что за заведение?

– Мой бар. Называется «Трафанд». – С этими словами Такэси снова сунул руку во внутренний карман Когурэ, но на этот раз в правый, и извлек смартфон. – Погуглите – сразу узнаете, что за заведение. Только не верьте отзывам. Там только дурацкие шутки нищелюбов, которые и вкуса настоящей выпивки не знают.

– Нечего лазить по чужим карманам! – Когурэ вырвал смартфон из рук Такэси.

– Да я хотел только сэкономить время, пока вы будете его доставать. Чего не гуглите? Еще раз повторяю название – «Трафанд».

– Потом не торопясь посмотрю. – Когурэ вернул смартфон в карман. – Сможете подтвердить, что не выходили оттуда?

– Это как сказать... Открыл бар вечером, до этого ни с кем не встречался. И после открытия посетители не все время сидели. Подтвердить трудно.

– А сотрудники?

– Я принципиально никого не нанимаю. Ну, разве если кто, выпив, захочет помочь бесплатно – другое дело...

Когурэ фыркнул. Наверное, он представил себе небольшой бар на окраине.

– Вы обычно там и ночуете?

– Да, там в глубине есть жилая комната.

– А в воскресенье?

– Проснулся после полудня, до вечера смотрел кино в комнате. А потом – как в субботу.

Когурэ недоверчиво пошевелил бровями:

– По воскресеньям тоже работаете?

– Как правило, выходных нет. Если бар открыт, могут забрести любители тряхнуть мощной.

– А вчера – то же самое?

– Нет, вчера я решил не открываться.

– Эй, не вы ли только что сказали, что выходных не бывает?

– Я сказал, «как правило». Были дела, так что временно закрылся. Какие дела – разрешите не отвечать. Это личное.

Когурэ смотрел на Такэси, скрестив руки на груди.

– В общем, могу сказать, что алиби у вас нет.

– Что поделать. Таковы факты, – проговорил тот разочарованно.

– Хочу спросить еще одну важную вещь. По какой причине вы сюда вернулись? О преступлении еще не сообщали. Зачем вы приехали?

– Опять странный вопрос. Сколько раз говорить – здесь мой дом. Для того чтобы вернуться домой, никаких особых причин не надо. Вы ведь сами так поступаете?

– Тогда спрошу так. Когда вы последний раз приезжали?

– Не помню.

– А как часто приезжаете? Раз в месяц, раз в полгода? Лучше не врать, мы тщательно это проверим.

– Да я и без этого врать не собираюсь. Меня не было здесь примерно два года. Вдруг потянуло вернуться.

– Вдруг потянуло? И вы хотите, чтобы я вам поверил?

– Мне дела нет, поверите вы – нет ли. Приехал просто так. Если обязательно хотите причину, давайте сойдемся на том, что мне птичка на хвосте принесла.

– То есть как – «птичка»?

– У меня было чувство, что в этом доме произошло что-то плохое. Вернувшись, я увидел перед домом полицейские машины. И понял, что мое предчувствие оправдалось.

В глазах Когурэ промелькнуло недоверие. Видно было, что этот рассказ его не убедил.

– Ну ладно, пока остановимся на этом. Но если надумаете изменить показания, обращайтесь в любое время. Готов выслушать.

Такэси хмыкнул носом:

– Этого никогда не будет.

– Посмотрим. Уверен, настанет день, когда вы передумаете и захотите срочно объясниться.

– Тогда давайте поспорим. Ставлю сто тысяч иен на то, что не настанет. Предложил бы миллион, но не буду – для служащего провинциального уровня это неподъемная сумма.

– Я бы поспорил, но, к сожалению, полицейским это делать запрещено. Повезло вам... Так, следующий вопрос. Как видите, в этой комнате устроили разгром. Я уже спрашивал дочь пострадавшего, не пропало ли что-нибудь ценное. Нужно узнать и ваше мнение, раз вы тут живете.

Такэси оглядел комнату и развел руками:

– К сожалению, я не знаю. Это комната брата, и я стараюсь сюда не заходить. И потом, я, кажется, сказал, что в последний раз приезжал сюда больше двух лет назад. Даже если какая-то вещь и пропала, невозможно узнать, украли ли ее сейчас или брат сам от нее отделался.

– Какая-нибудь ценность? Ваза или картина, перешедшие от предков? Было ли что-то подобное?

– Не знаю, но, скорее всего, нет. Ни отец, ни брат этим не интересовались. Общей у них была любовь к книгам. – Такэси показал на полки.

Когурэ бросил на них взгляд и снова обратился к нему:

– А вы сами как?

– Я похож на человека, собирающего антиквариат?

– Я спрашиваю, не было ли золотых вещей... Вы зарегистрированы в этом доме, а есть ли тут у вас своя комната?

– Есть, на втором этаже, окнами на юг. Надеюсь, ее вы не обыскали без разрешения?

– Нет, это... – Какитани с обеспокоенным видом сделал шаг вперед. – Вчера мы на всякий случай прошли по всем комнатам. Но проверяли только, всё ли в порядке, закрыты ли двери... Ничего без нужды не трогали. На втором этаже во всех комнатах был порядок.

– То есть вошли в мою комнату без разрешения.

– Во дворе обнаружен труп жильца этого дома; в гостиной, совершенно очевидно, все перевернуто вверх дном... Преступник мог прятаться в доме, так что в порядке проведения первоначального обследования никаких нарушений нет, – холодно ответил Когурэ. – И хотя на первый взгляд все было в порядке, но пока помещение не осмотрел хозяин, утверждать этого нельзя. Прошу вас самого взглянуть.

– Ладно, так и быть. – Такэси повернулся к Маё. – А что еще за комнаты на втором этаже?

– Моя комната. Я там жила, пока не окончила школу. И сейчас там сплю, когда возвращаюсь из Токио. Потом – комната отца, раньше она была спальней родителей.

– Хорошо. Эти комнаты проверите вы.

– Согласна.

– Давайте сразу туда и сходим.

– Да... Пойдемте.

Обращаясь к Маё, Когурэ звучал куда вежливее, чем до того. Контраст с грубоватой перепалкой с Такэси был очевиден. Видимо, когда появился этот трудно управляемый тип, он счел необходимым наладить отношения с дочерью жертвы.

Маё пошла на второй этаж, Когурэ последовал за ней. Следом двинулся Какитани. Такэси замыкал процессию.

Сначала зашли в комнату Эйити. Сразу после постройки дома здесь жили дед и бабушка. Когда Маё подросла, дед уже умер, а бабушка переехала в гостевую комнату на первом этаже.

Эта комната стала спальней Эйити и ее матери Кадзуми. Поскольку комната была в традиционном японском стиле, родители спали на полу, но сейчас здесь под окном стояла кровать. Кроме нее был только платяной шкаф, так что выглядела комната аскетически. Эйити, видимо, здесь только спал, пользуясь просторным кабинетом на первом этаже.

Как и докладывал Какитани, ничего необычного здесь не обнаружилось, о чем Маё и сказала Когурэ.

Дальше шла ее комната – небольшая, около десяти метров, в европейском стиле. На полу ковер. Из мебели только односпальная кровать, стол для занятий, крохотная книжная полка – не сравнить с теми, что находились в кабинете на первом этаже. При виде висящей на стене пробковой панели с прикрепленными к ней фотографиями популярных артистов Маё чуть не сгорела от стыда. И почему она не сняла их раньше?

В шкафу до сих пор висела знакомая старая одежда. Маё опять подумала, что надо ее срочно выбросить.

Проверив ящики стола, она сказала спутникам:

– По-моему, здесь ничего не изменилось.

– Ну теперь наконец ваша очередь, – сказал Когурэ, обращаясь к Такэси.

Тот безмолвно двинулся по коридору. Его комната была в конце коридора. Правда, Маё совершенно не помнила, чтобы она жила в этом доме одновременно с дядей. Он уехал еще до того, как Эйити женился.

Маё всегда думала, что его комната – это просто кладовка. И правда, до некоторых пор туда сносили ненужные вещи. Прибрали комнату только после смерти Кадзуми, ее матери.

Такэси остановился перед своей комнатой и медленно открыл дверь. За ней царил полумрак, создаваемый плотными шторами. Нащупав на стене выключатель, Такэси вошел внутрь. Когурэ осмотрелся с порога. Из-за его спины заглянула и Маё.

Комната выглядела еще аскетичней, чем у Эйити. Кроме круглого стола и единственного стула, в ней был только маленький буфет. Поразила картина на стене. Она изображала лицо женщины, зажмурившей левый глаз. Открытый правый глаз с совершенно черной радужной оболочкой смотрел прямо на зрителя, будто женщина разглядывала его. Маё отвела взгляд.

Такэси подошел к окну, сдвинул штору и отпер защелку.

– Эй, что вы делаете? Не прикасайтесь! – крикнул Когурэ.

– Это моя комната; что, нельзя проветрить? – С этими словами Такэси распахнул окно.

– Возможно, понадобится подробно осмотреть и эту комнату. Ваши отпечатки могут помешать следствию.

Это показалось Маё убедительным. И тут она заметила, что Такэси был в белых перчатках.

– Когда он успел... – пробормотал сзади Какитани.

В этот момент из пиджака Такэси послышался электронный сигнал, похожий на оповещение смартфона, но Такэси его проигнорировал.

– Успокоились, Когурэ? В этой комнате все в порядке.

– А в буфете? Не стоит открыть и проверить?

– Нет необходимости. Ничего не пропало.

– Как вы можете быть уверены, даже не открыв?

– Это вы спросите у него, – Такэси указал на Какитани.

Когурэ подозрительно обернулся.

– А, да... действительно, в буфете всё в порядке, – сказал Какитани с видимым удивлением.

– Ключ?

– Вот, – Такэси протянул брелок, на котором висел маленький ключик. – Без него открыть нельзя. А раз личинка цела, значит, и внутри все в порядке. – С этими словами он наклонился и потянул за ручку. Дверца не шевельнулась.

Когурэ не нашел, что сказать. Он недовольно скривил рот и потер подбородок.

– Ладно, все проверили, можно расходиться. Проветрилось тоже достаточно, хватит. Такэси, закрыв окно и заперев защелку, задвинул темно-серые шторы.

6

Когда Маё отпустили, предупредив, что в дом пока нельзя входить, чтобы сохранить место преступления в неприкосновенности, уже миновал полдень. Какитани должен был отвезти ее обратно в гостиницу, но тут Такэси поинтересовался, где она остановилась. Услышав название «Марумия», он ненадолго задумался.

– Так себе гостиница... Ну да ладно, я, пожалуй, тоже там переночую. Захвати меня с собой.

– Я не против, – сказала Маё и посмотрела на Какитани.

– Хорошо, тогда я сяду впереди, – сказал тот и открыл дверцу.

Маё открыла заднюю дверь и забралась в машину, Такэси последовал за ней.

– Повезло нам, инспектор Какитани прислушивается к людям, – сказал он, застегивая ремень безопасности.

– Да чего уж там!

– Можно попросить вашу визитку? Чтоб позвонить в случае чего.

– Да, пожалуйста.

Взяв протянутую ему карточку, Такэси внимательно ее рассмотрел.

– Интересуюсь на всякий случай: нашу гостиницу оплатят за счет следствия?

Опешившая от этого вопроса Маё посмотрела на дядю. Но тот, похоже, не считал, что сказал что-то из ряда вон выходящее.

– Нет, это... – Какитани замялся с ответом.

– Почему? Ради помощи следствию мы съехали из собственного дома. Логично, чтобы нам возместили расходы.

– Я поговорю с руководством.

– Прошу вас, инспектор Какитани. От этого зависит, что мы будем есть сегодня на ужин, – сказал Такэси спокойно. Кажется, он рассчитывал на роскошный ужин – конечно, если его оплатит полиция.

Маё задумалась. Когда дядя успел узнать фамилию Какитани? К тому же он знал его должность. Откуда? Она не помнила, чтобы тот представлялся дяде.

Вскоре подъехали к гостинице «Марумия». Какитани вновь попросил их о помощи следствию, и они вышли из машины.

Войдя через главный вход, увидели за стойкой хозяйку. Та приветливо поздоровалась с ними. Ей и в голову не пришло бы, что постояльцы только что участвовали в осмотре места убийства.

Получив ключ от комнаты, Маё сказала:

– Мой дядя тоже хотел бы здесь остановиться. У вас есть свободный номер?

Улыбка хозяйки стала чуть неуверенной; женщина склонилась над компьютером.

– Да, могу предложить комнату.

– Дайте самый лучший номер. «Ройял спешл» или «президентский». Таких у вас нет?

Улыбка начисто пропала с лица хозяйки.

– «Ройял» есть, но он на двоих. А одноместные номера у нас только одного типа.

Такэси громко щелкнул языком.

– Так ведь все равно из-за «короны» других клиентов нет! Только пыль в глаза пускаете, нет у вас деловой жилки... Делать нечего, давайте что есть.

– Извините. Заполните вот это, – хозяйка протянула регистрационный листок.

Формальности завершились, но до часа заселения еще оставалось время. Такэси жаловался на голод, так что решили пока пообедать в японском ресторане при гостинице. Как и

утром, у Маё не было аппетита, но, посмотрев меню, она решила, что могла бы съесть порцию собы⁴. Такэси заказал ланч с якитори⁵ и кружку пива.

– Ты всегда столько ешь? – спросила Маё удивленно. – Да еще и пиво, когда родного брата убили!

– Ты что, недовольна?

– Дело не в этом, просто странно... Обычно людям после шока не до еды.

Говоря это, Маё посмотрела в лицо Такэси, и ей пришла в голову внезапная мысль: может быть, он уже знал, что отца убили?

Но дядя молчал, закрыв глаза и скрестив руки на груди. Он и не собирался отвечать.

– Отстань. Я не выспался. – Такэси так и не открыл глаз.

– Отвечай! Почему ты вдруг приехал? Раньше ты так не делал!

– Ты что, не слышала, что я говорил? Птичка на хвосте принесла.

– Не верю. Скажи правду.

– Тебе зачем? Это не имеет к тебе отношения.

Маё сложила руки в просительном жесте:

– Меня это беспокоит. Объясни, пожалуйста.

Однако Такэси молчал.

Наконец принесли еду. Дядя открыл глаза и протянул руку к кружке с пивом. Положив в рот кусочек якитори, слегка кивнул.

– Вкус так себе. Но с учетом цены нормально.

Маё взглянула на меню на краю стола. Цена якитори и правда была невысокой.

В этот момент она вспомнила одну особенность своего дяди.

– Обед за мой счет?

– Хочешь, чтобы за это я рассказал тебе, почему сюда приехал? Думаешь, эта ерунда меня растрогает?

– Ладно, тогда плачу за сегодняшний ужин и ночлег. Это подойдет?

– За всю неделю.

– Что?!

– Я собираюсь оставаться здесь, пока дело не подойдет к раскрытию преступления. Думаю, на это понадобится не меньше недели.

– Ты о чем? И все это за счет племянницы?

– Не нравится – разговор окончен. Я не настаиваю.

– ...Ладно, за завтрашний обед заплачу.

– Этого мало. Сойдемся на четырех днях.

– Больше, чем два дня, не потяну.

– Давай. Плюс обед на третий день, и по рукам.

Маё задумалась. Совершенно неожиданные расходы, но отступить некуда...

– Ладно.

Такэси достал смартфон из кармана пиджака.

– Помнишь, когда мы вошли в мою комнату, эта штука звякнула?

– Помню. Но ты не отреагировал.

– Потому что знал, какое сообщение пришло.

Такэси потыкал в смартфон и показал племяннице экран. Это была видеозапись. Маё чуть не вскрикнула от удивления.

На записи был Такэси, заснятый в своей комнате, которую они недавно осматривали. Видеозапись остановилась на том, как он пересек комнату и открыл шторы и окно.

⁴ Соба – лапша из гречневой муки.

⁵ Якитори – кусочки курицы гриль на бамбуковой шпажке.

– Это что за запись?

– Помнишь портрет женщины на стене?

– Да, она закрыла один глаз.

– В эту картину встроена камера с датчиком движения. Как появляется что-то движущееся, включается запись, которая передается сюда.

Такэси показал смартфон.

– И давно ты это устроил?

– Давно. С тех пор, когда прибирал в комнате после смерти Кадзуми. Брат сказал, что я могу пользоваться ею когда угодно, но жить там не хотелось. Но ведь неприятно, когда в твою комнату заходят, пока тебя нет, поэтому я обустроил систему наблюдения. За эти два года камера срабатывала, только когда брат заходил проветрить помещение. А вот вчера пришла эта запись...

Такэси снова включил смартфон и показал его Маё.

На видео снова была комната Такэси. В центре кадра двигался мужчина в черном, с фуражкой на голове. Он подошел к буфету, взялся за дверцу и сказал, обращаясь, видимо, к начальству: «Здесь маленький буфет». На этом запись остановилась.

– Все ясно? – Такэси отложил смартфон – Человек одет в форму следственной группы полиции. Это означает, что в доме что-то произошло. Вот я и поторопился приехать. Когда подошел к дому, уже была натянута ограждающая лента, а у ворот дежурили полицейские. Порасспросив людей, я понял, что полиция уже забрала труп брата.

– Как же ты расспрашивал?

– Да это нетрудно. Просто говорил: «Не знаете, что произошло в том доме?»

– И что, соседи тебя не узнали?

– Я жил в этом доме больше тридцати лет назад. Ни с кем особо не общался, откуда им помнить? К тому же на всякий случай я надел маску. Соседи, на мою удачу, принимали меня за следователя и делились догадками. Ну а я ориентировал их в нужном направлении.

Что ж, все логично. Маё не могла не поверить дяде. Он мастак на такие штуки.

– Так, на этом исповедь закончилась. С тебя плата за сегодняшнюю еду, две ночи проживания и обед на третий день. – Такэси взял палочки и продолжил есть.

Что поделать! Договор есть договор. Вздыхнув, Маё тоже взялась за палочки. За едой она размышляла, что делать дальше.

– Да, вот еще что. – Она опять положила палочки и подняла взгляд. – А как быть с похоронами?

Такэси поставил кружку, из которой было собрался отхлебнуть.

– Похороны...

– Ведь их надо организовать. И родственников оповестить... Для всех это наверняка будет неожиданностью. Как им объяснить? Наверное, надо уже начинать готовиться. Но ведь тело до сих пор не у нас. Как поступить? Они собираются делать вскрытие; когда можно будет его забрать?

– Самое раннее – сегодня вечером. Не позже чем завтра точно передадут, – уверенно сказал Такэси.

– Откуда ты знаешь?

– Вскрытие уже сделали. Наверняка отделение судебной медицины хочет, чтобы тело забрали поскорее.

– Сделали? Откуда ты это знаешь?

– Следователю на смартфон пришло сообщение.

– Следователю? На смартфон?

Перед глазами Маё всплыло лисье лицо Когурэ. Вспомнив его перебранку с Такэси, она воскликнула:

– Это было тогда? Ты вытащил удостоверение из кармана Когурэ – и тогда же стащил его смартфон?

– Точнее, когда я положил удостоверение обратно в его карман. И не говори, что это неприлично. Не стащил, а просто взглянул. Потому что был уверен: этот человек не расскажет родственникам о ходе расследования. Он пытается скрыть и время убийства, и то, как брат был одет. Настоящий мошенник... И церемониться с ним нет смысла.

Маё вспомнила вопросы, которые тогда задал Такэси, глядя на задний двор. Это потому, что тогда у него в руках был смартфон Когурэ?

Потом она припомнила, что, когда они говорили про бар «Трафанд», дядя предложил полицейскому погуглить и вроде вытащил смартфон из кармана Когурэ. А на самом деле тот уже до этого был у него в руках.

– А что, его смартфон не был запаролен?

– Был: он запросил пароль.

– Как ты его разлочил?

– А что такого? Ввел пароль, и все.

– Так ведь...

– Он же звонил, чтобы проверить меня. Я тогда и запомнил.

Маё помнила эту сцену.

– Но ты ведь дисплей...

Прежде чем она сказала «не мог видеть», Такэси поднял указательный палец. И двигая им в воздухе, безразличным тоном сказал:

– Даже если дисплея не видно, по движению пальца и глаз даже дурак распознает пароль. – После чего потянулся за якитори.

Так вот оно как, сообразила Маё. Услышав что-то подобное от другого человека, она бы не поверила. Но для дяди это было таким же пустяком, как расспросить соседей, прикинувшись следователем.

Наверное, он узнал имя и должность Какитани из того же смартфона Когурэ. Спросив об этом, Маё услышала в ответ: «Да, примерно так». Там было написано, что информация получена от следователя Какитани. Когурэ тоже следователь, они занимают одинаковое положение и поэтому будут стараться изо всех сил переплюнуть друг друга.

Маё смотрела на лицо дяди, который, казалось, не говорил ничего необычного. Все вполне логично.

– Ну ты даешь, Самурай, – произнесла она.

С грохотом опустив кружку на стол, Такэси уставился на Маё.

– Не произноси это имя!

– Почему?

– Нипочему. Никогда!

Маё наклонила голову.

Самурай Дзэн – это был сценический псевдоним Такэси, когда он работал фокусником.

7

Маё была в шестом классе начальной школы, когда она впервые узнала, что у ее отца Эйити есть брат на двенадцать лет младше. Это произошло после смерти бабушки Томико, когда они готовились к поминальной ночи⁶ в похоронном зале.

– Сегодня не успевает, а на похороны завтра приедет, поэтому я решил сказать тебе заранее.

Тогда Эйити впервые назвал ей имя брата – Такэси.

– Никогда о нем не слыхала. Почему ты раньше мне не рассказывал?

Отец наклонил голову, затрудняясь с ответом.

– Главная причина, наверное, в том, что не было повода. К тому же я и сам с ним не встречался больше десяти лет. Виделись, наверное, когда ты еще не родилась. Даже с мамой он встречался до нашей свадьбы только раз. Мне казалось, что мы с ним так больше и не увидимся. Поэтому я думал, что вообще не стоит говорить тебе о нем.

– А почему вы не встречались? Были в ссоре?

– Совсем нет. – Эйити грустно улыбнулся. – Причина проста: брат работает в Америке, к тому же переезжает с места на место и с ним очень трудно совпасть.

– Вот как!

– Но, когда я сообщил по почте о бабушкиной смерти, он ответил, что приедет на похороны. Я ожидал ответа, что он не сможет вернуться, и даже немного удивился.

Эйити объяснил, что Такэси сейчас летит из Флориды и завтра утром должен приземлиться в Нарите. А похоронная церемония назначена на полдень.

Маё не спросила, чем брат отца занимается в Америке. Это даже не пришло ей в голову – после удивительной новости, что у нее вообще есть дядя.

С ним она встретилась на следующий день в комнате ожидания при похоронном зале. Высокого роста, стильный, как фотомоделка, с правильными чертами лица и совсем не похож на Эйити.

Тот представил брату Маё, и она поздоровалась, поклонившись.

– Я про тебя все знаю. – Такэси улыбнулся ей. – Хорошо рисуешь и любишь кошек. Я Такэси, будем знакомы. – Сказав это, он протянул руку для пожатия.

Маё робко ответила. То, что он сказал про рисование и кошек, было правдой. Наверное, отец ему о ней рассказывал.

Такэси поздоровался и с Кадзуми, ее мамой. Маё услышала фразу «четырнадцать лет не виделись». Такэси сожалел, что не смог приехать на их свадьбу.

Бабушка Томико мало с кем общалась, поэтому на похороны пришло не так много людей, в основном родственники. Церемония прошла быстро, и очередь, выстроившаяся, чтобы последний раз проститься с покойной и положить цветы в гроб, оказалась не очень длинной. Последним в ней стоял Такэси. Маё его вид показался необычным – цветов в руках у дяди не было.

Приблизившись к гробу, он обеими руками провел по щекам Томико, потом медленно поднял их и сложил вместе над ее грудью. Подвигал руками вверх-вниз.

То, что произошло потом, Маё запомнила на всю жизнь.

Из сложенных рук Такэси стали медленно падать лепестки цветов. Красные, белые, фиолетовые. Их становилось все больше, и в одно мгновение они укрыли всю грудь Томико. Вокруг раздались возгласы удивления.

⁶ Поминальная ночь – один из японских траурных ритуалов. Вечером накануне дня похорон родные и близкие собираются, чтобы проститься с покойным.

Когда лепестки перестали падать, Такэси, со все так же соединенными руками, замер в молчании. Потом открыл глаза, опустил руки, поклонился покойной и отошел от гроба среди всеобщего ошеломления.

Маё посмотрела в лицо подошедшего к ним дяди. Оно было совершенно спокойно, словно он не сделал ничего особенного.

После кремации были поминки для родственников. Внимание Маё очень занимал дядя, которого она увидела впервые. Ей очень хотелось спросить, что это было, как он смог такое сделать. Но к Такэси, который ограничился обменом несколькими фразами с Эйити и Кадзуми, было почему-то неловко подойти, поэтому оставалось только смотреть издали.

Зато сидевшие рядом с Маё родственницы стали перешептываться насчет него. Услышав их разговор, она узнала, что тот работает фокусником в Америке.

– Фокусами можно прокормиться?

– Не знаю, но я слышала, что он там довольно известен.

– Правда? И сколько же он зарабатывает?

– Не могу представить. Но сегодняшний фокус и вправду крутой.

Маё наострила уши. «Так это был фокус...»

Вскоре после этого Эйити поблагодарил собравшихся, и поминки завершились. Поговорить с Такэси так и не удалось.

Вечером за ужином, втроем с родителями, Маё снова спросила у отца про Такэси.

– А что, родственниц на похоронах слышала? Это правда, Такэси работает в Америке фокусником, – сказал Эйити, словно и не собирался ничего скрывать.

– А почему он решил стать фокусником?

– Этого я тоже понять не могу, хотя меня часто спрашивают, – сказал Эйити с озадаченным видом, при этом они обменялись взглядами с Кадзуми.

Наверняка родители часто обсуждали эту тему. Скорее всего, Кадзуми знала про обстоятельства этого дела от мужа, поэтому только улыбалась молча.

Эйити посмотрел на Маё.

– Он с детства был необычным ребенком, мечтал о сверхспособностях...

– Сверхспособностях?

– Ты слышала имя Ури Геллера?

Она помотала головой.

– Ури Геллер утверждал, что обладает сверхспособностями. В семидесятые годы он был очень популярен. Приезжал и в Японию; из-за него тут случился бум увлечения сверхспособностями. Его выступления, где он взглядом гнул ложки, собирали массу людей. Мы с друзьями пытались ему подражать.

– Ложки? У него правда получалось?

Эйити улыбнулся и покачал головой:

– К сожалению, скоро выяснилось, что это был просто трюк, и бум сошел на нет. Такэси родился за несколько лет до этого.

После этого он рассказал такую историю.

* * *

Еще в начальной школе Такэси почему-то заинтересовался давнишним бумом вокруг сверхспособностей и стал собирать информацию. Раздобыл где-то старые видеозаписи Ури Геллера и постоянно их пересматривал на только что появившемся в доме видеомагнитофоне. На расспросы родителей, почему он это делает, отвечал только, что ему интересно. В школе он учился хорошо, скорее даже отлично, и родители решили оставить его в покое. Им казалось, что рано или поздно ему это надоест.

Однажды вечером произошло вот что. На ужин был рис с карри, и Такэси, протянув Томико ложку, сказал:

«Мама, этим трудно будет есть».

Эйити посмотрел на ложку – ничего необычного, ложка как ложка. Томоко, наклонив голову, тоже спросила, почему трудно есть.

«Смотрите, ну как этим есть?» – спросил Такэси и слегка повернул запястье.

В следующий момент произошло невероятное. Ложка в его руке как бы обмякла и согнулась.

Эйити был поражен. Все знали, что сгибание ложки – это просто трюк; на самом деле фокусник, отвлекая внимание зрителей, сгибал ее обо что-то. Но Такэси не делал ничего подобного. Ложка сама согнулась у него в руках, прямо в воздухе.

Это произошло на глазах Эйити и родителей. Некоторое время все ошеломленно молчали. Потом поднялся страшный шум. На Такэси набросились с расспросами, как он это сделал. Но тот ничего не говорил. С легкой улыбкой он сходил за новой ложкой и как ни в чем не бывало принялся за карри. Эйити с родителями по очереди рассматривали ложку, ища какой-нибудь секрет. Но это, несомненно, была обычная ложка, одна из тех, которыми всегда пользовались в доме Камио.

«Такэси так и не раскрыл свой секрет. Так что я и сейчас не знаю, в чем там было дело, – сказал со смехом Эйити. – Это был первый и последний раз, когда он проделал это с родными. Не знаю, о чем он размышлял потом. Из-за разницы в возрасте мы редко откровенничали друг с другом».

«Но все-таки, наверное, это не сверхспособности, а фокус, – сказала Маё. – Значит, дядя уже с тех пор мечтал стать фокусником».

«Да, скорее всего. Но узнали мы об этом несколько лет спустя...»

И Эйити продолжил свой рассказ о прошлом.

Вскоре после того, как Такэси перешел в третий класс старшей школы, он заявил, что, окончив школу, хочет поехать в Америку, чтобы стать фокусником.

Такэси признался деду Ясухидэ, что мечтал об этом с детства. Он утверждал даже, что именно для этого появился на свет и если этот путь ему закрыт, то он не видит смысла в жизни.

Ко всеобщему удивлению, Такэси уже решил, где будет учиться в Америке. Он даже подал заявку на учебу в школе фокусников в Бостоне.

Такэси попросил Ясухидэ одолжить ему миллион иен, который он обещал обязательно вернуть через пять лет. А если не сможет вернуть, то оставит свою мечту и вернется в Японию.

Почувствовав целеустремленность Такэси, Ясухидэ дал свое согласие. Более того, он сказал, что даст не один, а два миллиона иен. Но поставил и свое условие: «Ни за что не возвращайся в Японию, пока не добьешься успеха». Такэси согласился, но сказал: «Может быть, я не вернусь и после того, как добьюсь успеха».

Довольный убежденностью младшего сына, Ясухидэ завершил разговор: «Ладно, так тоже пойдет».

Весной следующего года сразу после окончания школы Такэси уехал в Америку. Видя, как младший брат в одиночку готовится к этой поездке, Эйити был уверен, что с ним все будет хорошо.

Вскоре после этого он женился на Кадзуми. Такэси на свадьбу не приехал. Пришла только поздравительная телеграмма из Бостона. С Кадзуми Такэси познакомился незадолго до своего отъезда.

Через год после свадьбы Кадзуми родила дочку. Девочка, которую называли Маё, росла здоровым ребенком. Но в семье Камио происходили не только счастливые события. Слег Ясухидэ. У него нашли рак легких, и уже на довольно поздней стадии. Сказали, что жить ему осталось полгода.

Лежа в больнице, Ясухидэ запретил Томико и Эйити сообщать что-нибудь Такэси. «Он еще только на пути к своей мечте. Я сказал ему не возвращаться, пока не добьется успеха. Не беспокойте его ненужными пустяками».

Родные, зная, что добрый Ясухидэ был при этом человеком твердым, подчинились его воле. Томико было, наверное, тяжелее всех, но она ничего не сказала.

Вскоре после этого Ясухидэ ушел навсегда. Эйити сказал об этом Такэси по телефону спустя 49 дней⁷. Он объяснил, что Ясухидэ запретил сообщать ему раньше.

«Понял, – сказал Такэси тихо. – Приезжать на могилу пока не собираюсь, прошу за ней ухаживать».

Спустя года три через знакомых дошла интересная история. «В Америке очень популярен фокусник из Японии. Не ваш ли это младший брат?» Знакомый прислал DVD.

Включив воспроизведение, они поразились. В артисте, выступавшем под псевдонимом Самурай Дзэн на роскошной сцене, они узнали Такэси.

Одетый как монах-отшельник ямабуси, он извлекал из большого ящика охапки соломы и обматывал ими красивую девушку, стоявшую посреди сцены. Такэси делал это удивительно ловко, так что вскоре фигура девушки совершенно скрылась, а вместо нее на сцене можно было видеть только соломенную куклу в человеческий рост.

Затем Такэси взял в руки катану, извлек ее из ножен и, размахивая клинком, так чтобы подчеркнуть блеск лезвия, медленно подошел к соломенной кукле. Остановившись, поднял меч над головой обеими руками и тут же обрушил его на куклу. Меч разрубил куклу по вертикали на две равные половины. Но лезвие было настолько острым, что они продолжали стоять. Тогда Такэси еще раз разрубил куклу пополам, теперь по горизонтали. Полетели клоки соломы, но кукла не упала. Такэси с неуловимой для глаза скоростью продолжал размахивать мечем, рубя куклу под углом справа и слева. По воздуху разлеталась разрубленная солома.

Наконец Такэси остановился. Упавшая солома образовала кучу в середине сцены. Он подошел ближе и, опустившись на колени, стал читать заклинания.

В следующее мгновение солома ярко вспыхнула, появился столб огня. Он поднялся выше Такэси. Из-за нестерпимо яркого света ничего не было видно.

Но огонь вдруг погас. На его месте стояла красивая девушка, фигурировавшая вначале.

После мгновения тишины в зале раздались аплодисменты и возгласы зрителей. Такэси стоял со сложенными на груди руками, склонив голову.

– Все мы удивились. До этого мы время от времени переписывались по электронной почте, но ведь Такэси ничего не писал о своей работе. Мы думали, что ему наверняка придется тяжело, и страшно обрадовались, узнав о таком грандиозном успехе. Сразу же показали запись бабушке.

– Здорово! Я тоже хочу посмотреть, – сказала Маё.

– К сожалению, диск нам дали на время, теперь его у нас нет. И почему мы его не скопировали... Теперь уже поздно сожалеть.

– Дядя прославился в Америке! Хотела бы я взглянуть на это.

– Вырастешь – сможешь съездить. Если Такэси к тому времени останется знаменитостью.

– А вы с мамой не поедете посмотреть?

– Я уже говорил, с ним трудно совпасть по месту и времени. И, по-моему, Такэси не хочет, чтобы мы его видели.

– Почему?

– Не знаю, как объяснить... Мне кажется, это мир Такэси и нам не стоит туда вторгаться. Поэтому мы и до того не вмешивались.

⁷ Согласно одной из японских традиций 49 дней душе усопшего требуется, чтобы покинуть мир живых и присоединиться к миру мертвых.

Маё не очень поняла, что хотел сказать отец. При всей разнице в возрасте, разве они не братья?

- В последнее время мы не очень-то и переписывались. Он тоже о нас ничего не знает.
- Но про меня-то ты ему рассказал!
- Про тебя? С чего ты решила?
- Но он знал обо мне... Что я умею хорошо рисовать, что люблю кошек...
- Эйити склонил голову к плечу:
- Странно... Не помню, чтобы я это ему говорил.
- Не говорил?
- Тогда откуда же он знал? Удивительно... Но проверить это невозможно.

После этого Такэси долго не вспоминали. Что касается Маё, то она перешла в среднюю школу, и больше всего ее занимала борьба с собственными неприятными ощущениями, которые возникали из-за того, что она была дочкой учителя. У Эйити же не было желания непременно знать, как течет жизнь Такэси в Америке.

И вот этот самый Такэси лет восемь назад вернулся в Японию. Почему – неизвестно. Сам он об этом ничего не рассказывал. У него остались какие-то накопления, и он открыл бар в Эбису. Устраивать роскошный прием по поводу открытия ему, видимо, не хотелось, но Эйити решил, что надо его поздравить, и они с мамой и Маё отправились в Токио.

Бар оказался маленьким – кроме стойки, в нем помещался только один столик для двоих. При появлении семьи брата в баре Такэси не выказал недовольствия, но и особых проявлений радости тоже не было.

Маё не видела его десять лет. Увидев ее, Такэси прежде всего спросил: «Все еще рисуешь картинки?» Она ответила, что рисует разные дома, потому что хочет стать архитектором. «Это здорово», – ответил он ласково.

С тех пор они встречались раз в несколько лет. После смерти Кадзуми Эйити и Такэси несколько раз обсуждали, как быть с домом. Для одиноко жившего Эйити дом был велик. Но и расставаться с ним тоже не хотелось.

Именно поэтому вернули к жизни комнату Такэси, которой никто не пользовался.

8

– Считают, что преступление было совершено в субботу, шестого марта, между восемью и двенадцатью часами вечера, – сказал Такэси, доедая последний кусочек якитори.

– Интересно... почему же...

– Что-то случилось?

– Вчера в полиции меня спрашивали, что я делала начиная с субботы. Особенно настойчиво выясняли про субботу. А когда я сказала, что весь день была дома и только вечером заказала ужин из соседнего ресторана, они вдруг отстали.

Слушая рассказ Маё, Такэси несколько раз кивнул.

– Видимо, они успокоились, исключив единственную дочь покойного из числа подозреваемых. Вместо этого оказалось, что алиби нет у младшего брата, – он ткнул себя в грудь большим пальцем.

– Полицейские даже членов семьи подозревают.

– Следователи – особые люди, подозревают каждого. Тот же Когурэ видит во мне особо подозрительную фигуру.

– Даже не знаю, что тут сказать...

Маё подумала, что симпатии к дяде тот явно не испытывает.

– Способ убийства – удушение, – сухо проговорил Такэси.

– Серьезно? – Маё нахмурилась. – Это тоже из смартфона Когурэ?

– Верно.

– Задушили веревкой?

– Орудие убийства не обнаружено. Но это не веревка. На шее не осталось борозды. Нет и следов от пальцев, так что и не руками. – Такэси поднял кружку и допил остатки пива. – Следователи считают, что это был мягкий широкий кусок ткани вроде полотенца.

– Полотенце... – Маё коснулась шеи правой рукой.

– Вообще-то, оно не очень подходит для удушения. Чтобы пережать дыхательное горло, лучше тонкая и прочная веревка. Если перекрыты вены и артерии, прекращается отток крови от мозга, перестает поступать кислород, и в результате наступает смерть. От давления крови лопаются тонкие глазные сосуды, происходит кровоизлияние. Похоже, что именно это произошло с братом. Когда ему приподняли веки, глаза были налиты кровью.

Маё положила палочки. На тарелке еще оставалась соба, но после рассказа Такэси есть ей совсем расхотелось.

– Если б не изменения в глазах, могли списать все на инфаркт.

– Перестань, – сказала Маё, – больше не хочу об этом слышать.

– Ну ладно, – сказал Такэси, потянулся к стакану с чаем и отхлебнул из него. – Поменяем тему разговора. Ты знаешь, что брат делал в субботу?

Маё помотала головой:

– Откуда мне знать? Я же далеко живу.

– Это верно. Как я и думал.

– В полиции меня тоже об этом спрашивали. А разве очень важно, что отец собирался делать в выходные?

– Пока не знаю. Но похоже, что в субботу он куда-то выходил. На какое-то официальное мероприятие или на встречу с важным человеком.

– Откуда ты это знаешь?

Такэси взял за отворот своего кителя.

– Одежда. Когда его обнаружили, на нем был костюм. Галстук он снял, но оставался в пиджаке. Я проверил по фото, это точно.

- Фото?
- В смартфоне Когурэ было много изображений тела, снятых с разных точек.
- Прощу, только мне не показывай. – Маё повернула лицо в сторону и выставила вперед обе руки.
- К сожалению, у меня их нет. Думал втихаря отправить их на свой смартфон, но ведь останутся следы пересылки... Так что воздержался.
- Ну и слава богу.
- Так что думаешь? Учитель, давно ушедший на пенсию, надевает костюм, к тому же в субботу, – логично предположить, что он ходил в какое-то нерегулярное место.
- Может быть. Поэтому и полицейские расспрашивали, что отец делал в выходные.
- Спрошу снова: ты можешь предположить, куда он ходил в таком виде в субботу?
- Пока работал, он надевал костюм не только в школу, но и вообще везде. А когда ушел на пенсию, я его, пожалуй, и не видела так одетым. Но все-таки мы не часто виделись.
- А как насчет встреч со старыми приятелями-учителями?
- Думаю, без костюма. Ну, ходили выпить в ресторанчике у вокзала... Сейчас ведь на улице пока прохладно, и он скорее надел бы свитер и пуховик.
- А какая-нибудь встреча по интересам? Или научный кружок? Если люди собираются поговорить о литературе, то слишком неформальная одежда ведь не к месту?
- «Любители литературы, – подумала Маё, – мне не пришло это в голову. И вообще я никогда не задумывалась, что за человек был мой отец».
- Извини, я не очень знаю, как он жил после выхода на пенсию. Прости, что не могу тебе помочь.
- Такэси недовольно выдохнул, понимая, что ничего не поделаешь.
- А отношения с женщинами?
- С женщинами? – Маё широко открыла глаза от удивления. – В каком смысле?
- В прямом. После смерти Кадзуми прошло пять или шесть лет. Единственная дочь уехала и не возвращается. Искать в этой ситуации новых встреч вполне естественно.
- Это ты про отца? Вряд ли. Не может быть.
- Какие у тебя основания так утверждать? В моем окружении полно людей за шестьдесят, которые занимаются любовью.
- Ну, может быть, в твоём окружении и есть такие...
- Странно утверждать, что брат был не такой. Ну да ладно. Это, наверное, проверит полиция. Если такая женщина существует и перед убийством он с ней встречался, наверное, остались какие-нибудь следы.
- Какие следы?
- Если говорить о вещах, то, например, счет из дома свиданий, или упаковка таблеток для усиления потенции. Если об одежде – белье. На нем можно найти следы спермы, женских выделений... Если после секса он не принимал душ, что-то может быть и на половых органах.
- Стоп! – выкрикнула Маё и вытянула руку. – На этом остановимся. Не хочу думать так об отце. Если и была женщина, скорее они просто иногда ходили пообедать вместе.
- Они не ходили обедать вместе, – Такэси покачал головой.
- Почему?
- Шестидесятидвухлетний мужчина не станет надевать костюм, чтобы сходить с любовницей поесть рамэн⁸.
- Рамэн?
- Такэси достал смартфон и быстро в него потыкал.

⁸ Рамэн – популярное простое блюдо, пшеничная лапша в бульоне с добавками.

– В желудке обнаружены полупереваренная лапша, переваренное мясо и лук. Это указывает, что после принятия пищи прошло около двух часов.

Услышав это, Маё почувствовала, как ее рот наполняется неприятной кислотой.

– Так вот, – продолжал Такэси, – за два часа до убийства брат ел рамэн. Судя по времени суток, это был ужин. Итак, подытожим. В субботу брат надел костюм и вышел из дома – может быть, для того, чтобы с кем-то встретиться, а может, потому, что в место, куда он направлялся, нельзя заходить одетым кое-как. Как бы то ни было, покончив с делом, брат съел рамэн и направился домой. В это время некто решил забраться в наш дом в его отсутствие. Он попытался незаметно войти со стороны заднего двора, но был замечен братом. Если бы этот человек постарался сразу же скрыться, то трагедии не произошло бы. Но человек не стал убежать, а предпочел лишить брата жизни. Остались следы борьбы, и, по мнению следователей, когда он упал после драки, его задушили сзади чем-то вроде полотенца. На трупе оказалась моча, ее следы обнаружили и в заднем дворе. Как я уже сказал, брат умер не от удушья, а в результате пережатия сосудов на шее. Что случилось? Почему ты отворачиваешь лицо?

Такэси прервал рассказ, заметив наконец необычное состояние племянницы. Успокоив дыхание, Маё уставилась на дядю.

– Прояви хоть какую-то деликатность. Что, необходимо все так детально описывать? Представь себя на моем месте. Я не хочу представлять момент убийства отца.

– Вот как, – пробормотал Такэси, слегка кивнув, – прости. Я считал, что мы с тобой думаем одинаково, а этого не надо было делать... Я все понял. Больше говорить об этом не буду. Забудь.

– Что значит «думаем одинаково»?

– Я хочу, насколько это возможно, сам докопаться до истины, а не доверять все полиции. Даже если она сможет поймать преступника, с нами не обязательно поделится всей информацией. Вернее, почти совсем не поделится. Полицейские видят в родственниках только свидетелей или источник информации.

Маё смотрела на собранное лицо дяди.

– Говоришь, сам? А такое возможно? Ты ведь не профессиональный следователь.

– Разумеется, ты права. Но нет никаких причин убеждать себя, что это невозможно сделать. К тому же есть вещи, которые недоступны полиции, но под силу мне. – Такэси встал. – И кончим на этом.

– Ты куда собрался?

– Уже время заселения, заберу ключи у администратора и пойду в номер.

– Подожди, – Маё тоже поднялась. – Если все так, как ты говоришь, я тоже буду помогать.

– Помогать? В чем?

– Докапываться до истины. Я тоже сама хочу разобраться, кто и почему убил отца.

Такэси отвел в сторону холодный взгляд:

– Не стоит этого делать.

– Почему? Я тоже хочу знать правду.

– Не подлизывайся. Эта правда может тебе не понравиться. Может быть, обнаружится целый клубок нехорошего и постыдного, выйдут на поверхность неизвестные нам неприглядные стороны жизни брата. Ты вон, узнав некоторые подробности его убийства, вся позеленела... Впредь буду с тобой осторожнее. Ну и мне тоже лишняя помеха не нужна. Жди спокойно, пока я доберусь до истины.

– Уже все в порядке. Больше не буду плакаться.

– Не выйдет.

– Обещаю.

Такэси снова достал смартфон.

– А это как? – Он повернул экран к Маё.

Изображение на нем в первое мгновение показалось куском серой глины. Но она быстро поняла, что это человеческое лицо. Глаза открыты, рот искажен, изо рта течет слизь, красные глаза налиты кровью. Ничего похожего на тело, которое она видела в морге, и все же это был Эйити. Именно в таком виде его обнаружили.

Подступила резкая тошнота. Маё присела и зажала рот. Но это не помогло остановить рвоту. Только что съеденный обед оказался на полу.

Откуда-то появилась официантка:

– С вами все в порядке?

Маё из последних сил кивнула. Ответить «да» она уже не смогла.

9

– Ты же говорил, что не пересылал фото на свой смартфон, – сказала Маё, прикрывая рот салфеткой.

– Уметь прятать вещи в руке – для фокусника обычное дело, – ответил Такэси, тыкая в мобильник. – Как самочувствие?

– Уже нормально. Прости.

Они завершили формальности по заселению и теперь сидели в номере Такэси. Он ничем не отличался от того, где разместились Маё.

– Еще раз: ты обещаешь делать все для расследования, ставить его всегда на первое место, отбросив все колебания? – Обращенные к Маё глаза Такэси сверкали силой.

– Обещаю, – сказала она, подняв правую руку. – Больше не отступлю.

– Ладно. – Такэси решительно тряхнул головой. – Ты сказала, что вчера общалась с полицейскими. Расскажи все, о чем вы говорили. Какие вопросы они задавали, что спрашивали? Мобилизуй свои серые клеточки, ничего не скрывай, рассказывай все, что помнишь.

– Ничего не скрывая, говоришь... с какого места?

– Когда полиция на тебя вышла?

– Вчера, во второй половине дня. Позвонили, когда я была на работе.

– Давай с этого места. – Такэси скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

Подчинившись мощному напору своего дяди, Маё рассказала все, что произошло со вчерашнего дня. До того самого момента, когда сегодня появился Такэси.

Выслушав рассказ, тот остался сидеть со сложенными на груди руками. Затем медленно открыл глаза, прищуренные, чтобы сосредоточить внимание.

– Ситуация совершенно понятна. Перейдем к нашим наблюдениям. Но до этого хочу сообщить тебе важную информацию. Ты только что сказала, что будешь все воспринимать спокойно. И то, что я скажу, не должно создать проблем.

Такэси поднял лежавший рядом смартфон и показал Маё новое фото. Она выпрямилась от удивления. Это тоже была фотография трупа. Только на ней он был в полный рост. Она бранила себя за желание отвести глаза, ведь в таком случае дядя больше не будет иметь с ней дела. Приложив все силы, чтобы успокоиться, она посмотрела на экран.

Как уже сказал Такэси, Эйити был в костюме. Она помнила этот темно-коричневый костюм. Рядом с трупом были навалены раздавленные картонные коробки – видимо, под ними его и спрятали.

– Ты ничего не заметила? – спросил Такэси.

Маё еще раз посмотрела на фото.

– Похоже, что была драка. Одежда измята и вся в грязи.

– А еще?

– Еще? – Она разглядывала труп отца с головы до ног. Как ни странно, ее страх пропал. Наконец она заметила кое-что. – А, вот!

– Что именно?

– Он без обуви. В одних носках.

– Именно, – Такэси щелкнул пальцами. – К тому же – смотри хорошенько! – ступни сильно испачканы, а следовательно, он дрался, не надевая обуви.

– И что это значит?

– Обычно брат в чем выходил во двор?

– Надевал сандалии. Они, кажется, стояли перед стеклянной дверью.

– То есть у него не было возможности надеть сандалии. Другими словами, ему было не до того, чтобы надевать сандалии перед дракой с этим пришельцем.

– С пришельцем?

– Думаю, так. – Такэси поднял указательный палец. – Как я уже говорил, в субботу брат, надев костюм, куда-то отправился. Потом, поев рамэна, вернулся домой. Войдя через парадную дверь и сняв обувь, пошел в кабинет. Но, еще не успев зажечь свет, увидел человека на заднем дворе. Открыв стеклянную дверь, он стал на него кричать. Пришелец, боясь привлечения внимания, набросился на брата. Завязалась драка, и брат был убит.

Объяснение было простое, но очень убедительное. Маё будто увидела все собственными глазами.

– Отец не очень-то владел приемами драки.

– Дело не в этом. – Такэси покачал головой. – Важно, осознавал ли он риск для своей жизни. В драке брат, скорее всего, не думал, что незнакомца можно убить. Ну а с его противником было иначе. Тот, возможно, считал, что, раз его обнаружили, остается только убийство.

– А в чем была цель преступника?

– В этом-то и вопрос. Обычно считают, что в отсутствие хозяев в дом проникают, чтобы что-то украсть...

– Так что же он украл? Я совершенно не могла понять. В таком разгроме, что он устроил, и отец тоже не понял бы этого.

– Ты права, разгром он учинил необычный. Можно даже сказать, совершенно ненужный. Если б он искал что-то конкретное, такого не получилось бы. Возможно, что он устроил кавардак, чтобы невозможно было понять, что именно украдено, как ты и сказала. Но самый правдоподобный ответ в том, что он просто хотел инсценировать кражу.

– Что это значит?

– Преступник с самого начала собирался убить брата. Но если просто убить, то полиция начнет выяснять причины, искать заинтересованных в смерти. Поэтому он попытался выдать это за преступление, непреднамеренно совершенное обыкновенным вором. А поскольку он на самом деле не искал золото, то и беспорядок в комнате выглядит неестественно.

– Значит, преступник проник в пустой дом, чтобы убить отца?

– Получается, так. Он, видимо, рассчитывал залезть в дом, подождать, пока брат вернется, и напасть на него. Поэтому убивать во дворе не входило в планы преступника. Но он все же решил представить убийство как дело рук вора, поэтому устроил разгром в комнате.

– Ты так думаешь?

– Правда, если дело обстояло именно так, непонятно одно. Способ убийства.

– Способ убийства? Так ведь удушение! Что же непонятного?

– Если он с самого начала собирался убить, можно было бы использовать нож. Очень надежный способ.

Замечание было логичным, и Маё с этим согласилась.

– А может быть, он рассчитывал найти оружие на месте? На кухне наверняка можно найти какой-нибудь нож. Тогда и не надо беспокоиться, что полиция сможет вычислить преступника по месту приобретения оружия убийства.

– Найти на месте? Если собираешься убить конкретного человека, это слишком беспечно. А вдруг там не найдется подходящего ножа? Мужчина, живет одиноким... С учетом этого вполне возможная ситуация. На месте преступника я запасся бы оружием убийства заранее. Если покупать нож в большом магазине, нет нужды беспокоиться, что тебя вычислят.

– Или по какой-то причине он не успел обзавестись ножом...

– И вместо этого приготовил для убийства полотенце? Вряд ли.

– Ты же только что сам говорил...

– Следователь считает, что ему со спины перетянули шею чем-то вроде полотенца. В этом самая большая загадка... Ладно, допустим, что, не имея ножа, он решил задушить жертву. Но

если так, он должен был приготовить веревку или провод – что-то тонкое и крепкое. Почему полотенце? Это не носовой платок, чтобы случайно оказаться под рукой.

Лицо Такэси отражало напряженную работу мысли. Наконец он, глубоко вздохнув, перевел взгляд на Маё.

– Это пока все, что можно сказать на основании осмотра трупа и места преступления. Чтобы размышлять дальше, нужна дополнительная информация. У тебя больше ничего нет?

– Откуда...

Маё расстроилась. Ей ничего не приходило в голову.

– Ты говорила, что труп нашел твой одноклассник?

– Да, Харагути. Я думаю, он зашел к отцу посоветоваться о собрании по подготовке к встрече выпускников, назначенном на понедельник.

– А кем он работает?

– Кажется, у него винный магазин.

– То есть самозанятый... Поэтому мог зайти к брату утром в понедельник. – Сказав это, Такэси щелкнул пальцами. – Послушаем, что скажет этот Харагути. Давай, быстренько организуем встречу; наверняка он тоже хочет с тобой связаться.

– Ты думаешь?

– По логике вещей, странно было бы, если б нет... Звони ему сейчас же.

Кивнув, Маё достала смартфон. Номер Харагути она могла узнать только у Момоко; значит, придется сначала позвонить ей.

Но в этот момент пришло сообщение. Это был Кэнта: «Извини, что отрываю. Как дела? Может, нужна помощь?»

В коротком тексте чувствовалось беспокойство Кэнты и волнение из-за того, что он не может поддержать Маё. Вполне естественное чувство, когда у невесты убили отца. Но что он, неспециалист, может сделать?

Немного подумав, она написала в ответ: «В доме устроили страшный разгром. Просто ужас. Но приехал дядя, и мне стало немного спокойнее. Не волнуйся».

Отправив сообщение, она подняла взгляд от экрана и встретила глаза с Такэси.

– Брат говорил, что у тебя скоро свадьба. Не знаю, подходящее ли сейчас время... – Такэси явно колебался. – Ну ладно, все-таки скажу. Поздравляю тебя!

– Спасибо, – ответила Маё, стараясь улыбнуться. Но она ничего не могла поделать с напряженным выражением лица. – Как ты догадался, что это сообщение от жениха?

– А что тут такого? В данной ситуации ты не стала бы сразу же отвечать на сообщение от кого-нибудь еще. А скорее всего, и читать не стала бы.

– Да, наверное...

«Такого дядю не обманешь», – подумала Маё.

Вернувшись к смартфону, она позвонила Момоко Хомма. Та сразу же взяла трубку.

– Алло, Момоко слушает, – произнесла она упавшим голосом.

– Это Маё. Прости, что сразу не позвонила.

– Ой, какой ужас...

По ее неуверенной интонации Маё сразу все поняла.

– Ты уже знаешь...

– Да, Харагути мне вчера рассказал... Я была просто поражена. Беспокоилась о тебе, но позвонить не решалась. И сообщение написать тоже не знала как...

– Я понимаю.

Маё подумала, что на месте подруги чувствовала бы то же самое. Она тоже постеснялась бы звонить с утешениями и расспросами.

Голос в трубке звучал странно. Похоже, Момоко судорожно икала.

– Момоко, что с тобой?

– Прости... ты, наверное, в шоке, что тебе проку от моих рыданий... – выдавила из себя Момоко, всхлипывая.

В это мгновение в груди у Маё поднялась какая-то волна. Она нарастала с огромной силой, и справиться с ней не было никакой возможности. Волна захлестнула всю ее душу.

Маё поняла, что кричит. Это было непереносимо. Она зарыдала до боли в горле. И в то же время где-то в уголке сознания спокойно думала о том, что это, наверное, и называется горем.

10

Торговая улица в десяти минутах ходьбы от гостиницы «Марумия» считалась самым оживленным местом городка, но, к сожалению, говорить ни о каком шике тут не приходилось. Из-за «короны» в сувенирных лавках и ресторанчиках царило уныние. Во многих магазинах были закрыты жалюзи, но вряд ли они просто решили устроить сегодня выходной.

Примерно в середине торгового квартала была вывеска «Магазин Харагути».

Телефон Кохэя Харагути подсказала Момото. Он, похоже, удивился звонку Маё, но не отказался рассказать подробности и пригласил их прийти в магазин в любое время и поговорить. Понимая, что надо ковать железо, пока оно горячо, Маё с Такэси вышли из гостиницы.

Когда они вошли в магазин, к ним обернулся мужчина, до того стоявший лицом к полкам и заполнявший какие-то счета. Он приветствовал вошедших, но улыбка его была какой-то неловкой.

Лицо Кохэя Харагути со слегка опущенными уголками глаз вселяло спокойствие, как и в школьные годы. Но с тех пор из сублильного мальчика он превратился в крепкого мужчину.

– Давно не виделись, – сказала Маё.

Харагути замялся, подбирая подходящие слова. Наконец он заговорил, облизав губы:

– Камио... Какой кошмар!

– Тебе тоже пришлось тяжело.

– Я-то ладно... – Харагути перевел взгляд за спину Маё.

– Вот хочу представить. Я уже сказала по телефону – мой дядя. Брат отца.

– Будем знакомы, – сказал Такэси из-за ее спины.

Харагути проводил пришедших в свободный угол магазина. Там стоял круглый стол, окруженный легкими стульями. По словам Харагути, его поставил еще дед, чтобы угощать заезжих туристов местным сакэ. Но сейчас им больше пользуются постоянные покупатели из соседних домов, чтобы немного выпить, прежде чем идти по своим делам.

– Это правильно, – сказал Такэси, усаживаясь на стул. – Раз уж зашли, может, стоит тоже попробовать? Не нальете стаканчик?

– Э-э... не проблема, – ответил Харагути с несколько растерянной интонацией. Похоже, его удивило желание выпить в такое время.

– Что бы выбрать? У вас ведь особые права на продажу продукции «Маннэн сюдзо»?⁹

– Это правда... Откуда вы знаете?

– От брата слышал. Тот любил сакэ, особенно предпочитал марку «Кагами хомарэ». – С этими словами Такэси указал пальцем на одну из бутылок, стоявших на полке, с соответствующей надписью на этикетке.

– Не знал... По правде сказать, президент «Маннэн сюдзо» – наш родственник, у нас есть все их марки. А некоторые из них нигде не купишь, кроме как в нашем магазине.

– Вот-вот... Брат часто рассказывал о тебе с гордостью. Мол, поскольку у вашего магазина особые связи с «Маннэн сюдзо», всегда можно достать редкое сакэ.

– Камио-сэнсэй вам это рассказывал? – удивился Харагути, и лицо его приняло задумчивое выражение. Возможно, он подумал, что его любимого учителя больше нет и что он сам обнаружил его тело.

Но Маё в душе была удивлена еще больше. Действительно, «Маннэн сюдзо» была единственным производителем сакэ в этих местах, но Такэси никак не мог слышать от брата о Харагути. Он сам только сравнительно недавно узнал, что его семье принадлежит магазин сакэ. А

⁹ «Маннэн сюдзо» – фирма по производству сакэ.

ведь перед выходом из гостиницы Такэси все время вертел в руках смартфон. Наверное, искал в интернете «Магазин Харагути».

– Тогда, наверное, «Кагами хомарэ» попробуете? – спросил хозяин.

– На твое усмотрение. Если хочешь порекомендовать что-то другое – не возражаю.

– Понятно. А ты, Камио, что будешь? – спросил Харагути у Маё, которая все еще продолжала стоять.

– Я пока воздержусь.

– В чем дело, почему не пьешь? Это же винная лавка, – прицепился к ней Такэси.

– Это я знаю, но мы сюда не пить пришли. – С этими словами она села рядом с ним.

– Ну тогда закажи что-нибудь прохладительное. Хотя здесь только один стол и простые стулья, это прекрасное место для приема гостей. Я, к примеру, в свой бар не пускал бы людей, которые ничего не заказывают и только болтают.

– Ничего, не принимайте близко к сердцу, – Харагути суетливо махнул рукой. – Многие заходят просто поболтать и ничего не покупают. Подождите минутку. – С этими словами он отошел.

Проводив Харагути взглядом, Маё обернулась к Такэси.

– Любишь ты приврать, – сказала она тихо.

– Ты о чем?

– Не увличай. Я ни разу не видела, чтобы отец пил дома местное сакэ. К тому же называешь какие-то редкие марки... Несешь что попало. А если проколешься?

– Это просто прием для установления доверия. К тому же брата больше нет. Прокол не грозит. Если хозяин заметит неувязку, можно легко отговориться, что перепутал, – сказал Такэси с ясным лицом.

– Так небрежно себя вести...

Харагути вернулся с подносом в руках. На подносе стояли небольшая бутылка и стакан. Поставив стакан перед Такэси, Харагути налил, произнес: «Прошу вас».

Такэси с серьезным видом взял стакан. Поднеся его к носу, изобразил, что наслаждается ароматом, потом отхлебнул немного и, словно стараясь распробовать, медленно выпил.

– Да, отлично.

– Рад, что вам понравилось, – сказал Харагути с облегчением.

– Сладости в меру, сбалансировано, послевкусие легкое, свежее. Сакэ, которое хочется не цедить понемногу, а пить большими глотками.

– Это тоже «Кагами хомарэ», но количество спирта, который добавляют после вызревания, слегка изменено. Ограниченная оригинальная партия, она будет представлена в нашем магазине.

– Ясно. Вкус действительно чуть отличается.

– Оно рассчитано главным образом на молодежь. Название пока не придумали. Разработку стратегии продаж «Маннэн сюдзо» полностью доверяет мне.

Харагути показал этикетку. На белой бумаге невзрачным шрифтом было напечатано только: «Кагами хомарэ. Оригинальное, специальное, хондзёдзо»¹⁰.

– Ничего, что я выпил такую редкость?

– Конечно. Это сакэ для людей, которые в нем разбираются.

– Спасибо.

Их разговор раздражал Маё. Сейчас не тот случай, чтобы беспечно рассуждать о выпивке.

– Харагути, – вставила она, – хотелось бы подробно узнать, как ты нашел тело.

– Хорошо, спрашивайте, что хотите.

– Накануне ты вроде бы пытался дозвониться отцу...

¹⁰ Хондзёдзо – одна из технологий производства сакэ, при которой в готовый продукт добавляется алкогольный дистиллят.

– Да, по поводу встречи выпускников.

– Насчет чего именно?

– Ничего особенно важного. Камио-сэнсэй сам звонил мне накануне. Речь шла о том, что он собирался купить сакэ для предстоящей встречи, и хотел посоветоваться, что выбрать. Я подумал – и в воскресенье попытался с ним связаться; несколько раз звонил, но не дозвонился. Меня это обеспокоило, и в понедельник утром, развезя товар заказчикам, я решил к нему заехать.

– Понятно.

Слушая рассказ Харагути, Маё подумала, что это очень похоже на ее отца. После долгого перерыва предстояла встреча с учениками, и он хотел быть на ней не просто одним из приглашенных, а приготовить и от себя какое-то угощение. Эйити любил покрасоваться.

– Уже перед домом я позвонил ему еще раз, но снова не дозвонился. На сигнал домофона он тоже не ответил. Тогда я решился потянуть ручку двери – она оказалась незаперта. Я позвал его, потом начал беспокоиться – может быть, он упал и лежит где-нибудь в комнате. Пошел на задний двор. И вот...

– Понятно, достаточно, спасибо. – Маё жестом остановила Харагути, которому явно с трудом давался рассказ, как он обнаружил труп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.